

Анна Нова

Комедия масок

<https://litres.ru/74374589>

ISBN 9785007102001

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Андела, Холден, Кай и Иван способны видеть истинную реальность — населенную монстрами и призраками, отравленную, умирающую от неведомой болезни. Герои отправятся в путешествие по улицам теневого Эдинбурга: им предстоит узнать, как справиться с наследием древней войны и спасти свой больной безумный мир.

Содержание

Комедия масок 1: Серое небо	5
Пролог. Холден	5
1. Андела	24
2. Кай	38
3. Андела	58
4. Холден	69
Intermezzo, parte prima	77
5. Иван	81
6. Андела	95
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Комедия масок

Анна Нова

Иллюстратор Аири Ависен

© Анна Нова, 2026

© Аири Ависен, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-0200-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Комедия масок 1: Серое небо

Пролог. Холден

Я проснулся от головной боли: резкой и совершенно чудовищной. Застонав, высунул руку из-под одеяла и зашарил по простыне в поисках телефона. Мутным взглядом уставился на экран, пытаясь понять, где я и сколько же сейчас времени. Цифры предательски расплывались. Я сфокусировал взгляд и наконец смог различить время и дату.

17 сентября, четверг, 10:03.

Десять пропущенных вызовов.

Меня тошнило. Это немного напоминало жесточайшее похмелье. Но только немного. Головная боль отступала на время, а потом разгоралась с новой силой. Раскаленными шурупами ввинчивалась в виски.

Обычное состояние после подключения к «Виатору».

Настойчивый шум пробивался сквозь тишину комнаты, разрывая мой мозг на сотни ярких кусочков головоломки. И собирая заново.

В дверь звонили.

Да какого черта!

Героическим усилием воли я заставил себя откинуть одеяло и упасть с кровати в студеной холод спальни. Обогрева-

тель сломался, а отопление в старом доме, как всегда, барахлило. Температура здесь была немногим выше, чем на улице.

Я бросил взгляд в окно: серое небо, рыхлое, словно легкие курильщика, сочилось дождем. Он размывал очертания домов, превращая мир в смазанный карандашный набросок. Воздух был сырой и прогорклый. Запах мокрой брусчатки, плесени и разлитого бензина смешивался с ароматом свежих булочек из пекарни и сквозь открытую форточку проникал в комнату.

Меня трясло. Дрожащими руками я снял со спинки кресла растянутый свитер, надел поверх футболки.

Путешествие к входной двери было долгим, очень долгим, несмотря на небольшое расстояние до прихожей. По пути меня пару раз чуть не вывернуло наизнанку.

— Мистер Эридан, полиция Эдинбурга! — в мою квартиру уже откровенно ломились.

Я открыл дверь и едва не упал на седовласого детектива.

— Сэр, мы пришли задать пару вопросов о Ванессе Уайт, — скороговоркой начал он, но осекся. — Сэр, с вами все в порядке? — голос констебля доносился издалека.

— Да все шикарно, — прохрипел я. Я смотрел сквозь него и видел гранитные блоки стены, покрытые плесенью. Древние камни истекали кровью. По ним ползали отвратительные черно-зеленые многоножки, с лоснящимися, тускло блестящими спинами и длинными раздвоенными хвостами. Другой мир проступал через привычную реальность, проявлял-

ся, как фотография, сделанная на «Полароид».

Что это? Галлюцинации? Еще один побочный эффект от работы с «Виатором»?

В глаза словно насыпали сухого песка. Я вцепился рукой в дверной косяк, чтобы не упасть. Коллега детектива — молодой констебль в полицейской форме — подхватил меня под локоть и повел на кухню.

— Давно вы в таком состоянии? — спросил седовласый.
— Почему не обратились в больницу?

— Со вчерашнего дня, — ответил я. Молодой констебль по-хозяйски включил чайник.

Я опустился на стул, пытаясь справиться с предательской дрожью в коленях. Давненько мне не было настолько плохо.

— Вы живете один? Почему не позвонили врачу или кому-то из друзей? Родителям? — продолжил детектив.

Сколько вопросов одновременно.

Хозяйственный констебль тем временем нашел кружку, кинул туда чайный пакетик и сахар, перемешал. Протянул это пойло мне, исполненный чувства гордости.

— Живу один. Вчера вечером пришел со смены, упал в кровать и сразу же отключился. А с утра мне было слишком плохо, чтобы звонить кому-то.

Я медленно пил чай, боясь обжечься. С каждым глотком ко мне постепенно возвращалось чувство реальности.

Головная боль отошла на второй план и стала звучать фоном.

— Так что там с Ванессой Уайт? Сэр? — спросил я.

— Детектив-сержант Картрайт, — наконец соизволил представиться полицейский с седыми волосами. — Девушка пропала два дня назад, мистер Эридан, 16-го утром о ее пропаже заявили родители.

Я усиленно пытался вспомнить. Ванесса. Кажется, она работала у нас в офисе Aurora Aerospace. Чем же она занималась? То ли секретарша, то ли интерн...

— Она была интерном доктора Флауэrsa, — сержант Картрайт освежил мою память, показав фотографию девушки.

Да, точно, была такая. Низенькая блондинка с носом-кнопкой. Она приносила мне кофе и каждый раз улыбалась. Даже пыталась шутить. Милая девушка. А вот теперь она бесследно пропала.

— Так вы узнаете ее, — подсказал констебль.

Я медленно кивнул.

— Есть подозрение, что ее похитил Наблюдатель. Ванесса могла стать одной из его жертв, и если мы не успеем... — начал было юный констебль, но сержант бросил на него испепеляющий взгляд и жестом заставил замолчать.

— Вы найдете ее труп с вырезанными глазами. Да. Я в курсе новостей, — я коснулся висков, словно это могло помочь прогнать боль. — Так при чем тут я?

— Мы опрашиваем всех, с кем она контактировала в последний день на работе, — объяснил Картрайт, — вы с ней работали вместе?

Я поднял на детектива взгляд и мрачно усмехнулся.

— Она приносила мне документы на подпись и кофе. Это считается?

— Вполне. Какие отношения вас связывали?

— Хм. Нейтральные? В смысле, я вообще с трудом различаю всех работающих у нас интернов.

Детектив Картрайт сделал пометку в блокноте. Смайлик там нарисовал, что ли?

— Вы заметили что-нибудь странное в поведении девушки? — продолжил Картрайт, буравя меня взглядом. До чего же неприятный тип. А еще его отвратительный шотландский акцент просто резал слух.

— Ну, кофе был недостаточно горяч, а молочная пенка плохо взбита.

— Это очень важная информация, мистер Эридан, — криво улыбнулся детектив. — Чем вы занимались 15-го и 16-го сентября? — взгляд Картрайта был холодным и колючим.

— 15-го вечером после работы я поехал к сестре и был у нее дома до утра. А 16-го я закончил в десять вечера, закрыл офис и сразу отправился домой. Плохо себя чувствовал, — спокойно объяснил я. — Можете пообщаться с моими коллегами и родными, они подтвердят. Ну и камеры проверьте. Картрайт поджал губы.

— Спасибо за подробную инструкцию, мистер Эридан, — с сарказмом произнес детектив, — больше ничего не можете вспомнить? Ванесса с кем-нибудь конфликтовала на работе?

— Нет, она очень приятная, общительная девушка, очень хорошо ладит с нашим научным руководителем, профессором Флауэрсом.

— Понятно. Ну, что ж, я свяжусь с вами, если у меня возникнут вопросы, — Картрайт поднялся со стула, констебль поднялся вслед за ним.

— Всегда пожалуйста, — безразличным тоном отозвался я.

Полицейские ушли; я закрыл за ними дверь, вернулся на кухню. Этот допрос окончательно меня вымотал. Достал из кармана домашних штанов телефон.

— Черт, — простонал я в пустоту кухни, — сегодня же встреча...

Профессор Флауэрс попросил меня встретить сотрудника из лондонского офиса Aurora Aerospace. Нужно было провести ему экскурсию по лаборатории, обсудить кучу рабочих вопросов, а под вечер познакомить с мистером Флауэрсом. Я не горел желанием заниматься подобной работой, но Флауэрс настоял. С шефом не поспоришь.

К обеду нужно было как-то привести себя в порядок.

Я бросил в чашку пару ложек растворимого кофе и залил кипятком. Ничего не имею против кофейного суррогата — мне нравится вкус, и к тому же сваренный в турке кофе у меня всегда получается на редкость отвратительным. Плеснул в кружку молока, достал из вазочки засохшее печенье и с огромным трудом заставил себя съесть его. Прихлебывая

кофе, я смотрел в окно: дождь усилился, оба яруса улицы были абсолютно пустынные.

Мне всегда нравилась безумная архитектура Эдинбурга. Город построили на склонах потухшего вулкана, и улицы в центре располагались друг над другом. Мосты соединяли дома и этажи зданий, образуя психоделический лабиринт.

Сегодня от мира остался только дождь и серый гранит: люди исчезли, и вместо них по заброшенным улицам скользили призраки. Я мог различить их размытые, изорванные силуэты.

Детектив Картрайт и констебль вышли из подъезда, залезли в потрепанную патрульную машину. Грустно сверкнув фарами, она тронулась с места. Бледно-желтый свет фар растаял во всепоглощающей серости дождя.

Я пил кофе, равнодушно просматривая новости в социальных сетях. Тупо листал картинки. Позвонила мама. Игнорировать было уже невежливо, и мне пришлось ответить.

— Мы с Пейдж через десять минут будем у тебя. Ты в порядке? В офисе сказали, что ты сегодня не на работе.

— Да, специальное задание от шефа, разрешил не приходить. А чего это вы с Пейдж вдруг решили приехать?

— Ну, мы утром пересекались в центре, оказались неподалеку. Звонили тебе, но ты молчал почему-то.

— Забыл телефон в кармане пальто, — соврал я.

— Ну ладно, мы скоро будем, целую.

С матерью мы виделись нечасто. Последнее время я всеми

силами старался избегать ее. Ведь мама лучше всех понимала, что со мной происходит. А слушать ее бесконечные нотации было невозможно. Теперь она, видимо, решила перейти в наступление и заявиться в гости. Готов поспорить, меня сдала Пейдж.

Она видела меня в тот вечер после подключения к «Виа-туру». Зрелище было то еще.

Через десять минут действительно приехали мама и сестра. Маргарет стояла на пороге — как всегда ослепительная, с длинными светлыми волосами, одетая в любимое клетчатое пальто. Пейдж выглядывала из-за ее плеча и строила рожицы.

— Привет! — мама шагнула навстречу и крепко обняла меня. Пейдж вошла следом за ней и прикрыла дверь.

Сестра, по обыкновению, была одета в джинсы, кеды и полосатую кофточку. Маму ее стиль ужасно раздражал, но Пейдж, как и я, уже давно научилась не зависеть от мамино-го мнения.

Раньше нам приходилось все время соответствовать идеальной картинке. У владельца компании Aurora Aerospace должна была быть потрясающая семья с образованными, приличными детьми. Мы с сестрой и правда закончили престижный университет (она на пять лет раньше, чем я), а потом решили жить собственной жизнью и заниматься тем, что нравится.

Тут я покривил душой, конечно же. Я устроился в компа-

нию отца, но работал под руководством мистера Флауэрс. А вот сестра ушла совсем в другую область и занялась издательским делом. Периодически нам приходилось сопровождать родителей на светских мероприятиях. Иногда мы получали от них внезапные и дорогие подарки. Наверное, со стороны наша семья выглядела идеально.

Мои гости сняли обувь в прихожей и прошли на кухню. Мама поставила на стол бумажный пакет с едой и как ни в чем не бывало принялась вытаскивать ее.

— Я даже не буду смотреть, что у тебя в холодильнике, наверняка все заросло плесенью, — заявила она. — Почему такой бледный? И у тебя засохшая кровь на подбородке.

Она окинула меня быстрым взглядом, и я понял: она обо всем догадалась.

Пейдж тем временем открыла холодильник и придирчиво изучила содержимое.

— Нет тут никакой плесени, — тоном эксперта заявила она. Сестра всегда приходила мне на помощь.

— Все нормально, мам, просто подхватил какой-то жуткий вирус, — я поежился, обнял себя руками. Да будут благословенны чудовищные безразмерные свитера! В них можно спрятаться от мира и почувствовать себя в тепле и безопасности.

Я неловко переминался с ноги на ногу, пока мама разогревала запеканку с брокколи, а Пейдж заваривала чай.

— Ты снова копался в системе «Виатора», да? — в мамин

ных льдисто-голубых глазах сверкнуло привычное выражение «я ведь предупреждала!», — Холден, это же опасно! Мы столько раз тебе повторяли... А, ладно, не говори больше ничего, не хочу тебя слушать! Накрой на стол, пожалуйста.

Я не стал спорить. Мама могла повторять одну и ту же речь до бесконечности.

— Волшебная брокколи, мам, — для подтверждения своих слов я отправил в рот кусок запеканки. — Кстати, ко мне сегодня приезжала полиция. Слышали новости о Ванесе Уайт?

Мама мрачно кивнула.

— Холден, мы беспокоимся...

— Клянусь, я ее не убивал, против меня нет никаких улик! — я широко улыбнулся и развел руками.

— Не смешно, — шикнула на меня сестра. — А если копы узнают о твоих способностях? Они же просто так не отстанут.

— Мои способности автоматически делают меня убийцей?

— Холден, достаточно взглянуть на твою энцефалограмму, почитать медицинскую карту, и будет ясно, что с тобой что-то не так! — Пейдж повысила голос. Когда она злилась, она становилась очень похожей на маму. — Ты можешь сломать все оборудование в участке. Взорвать там все лампочки, если тебе не понравится вопрос. Да что угодно!

— Подожди, не надо паранойи... — начал я.

Но мама меня перебила.

— Я уж не говорю про то, что ты регулярно вламываешься в лабораторию.

— Если вам хочется поучить меня жизни, то момент так себе, — меня трясло от гнева, но голос звучал довольно ровно и спокойно, — я помню о мерах предосторожности. Всегда помню.

Мои слова немного охладили пыл Пейдж и мамы. Может, им просто не хотелось ссориться. Вопрос о полиции и «Виаторе» они больше не поднимали.

Весь ланч мы вели ужасно натянутую беседу о последних новостях. Мама рассказала, что через неделю они с отцом едут отдыхать на Майорку; Пейдж поделилась историями с работы. Я слушал их с вялым интересом и размышлял о том, что на клавиатуре подключенного к «Виатору» компьютера могли остаться капли моей крови.

Вчера я действительно остался один в лаборатории. Отключил сигнализацию, зашел в помещение, где находился уникальный аппарат для проведения исследований в космосе и на поверхности планет Солнечной системы.

Застывшая посреди комнаты машина напоминала монстра Франкенштейна из сверхпрочных материалов: двигательная система, новейшие камеры, солнечные панели, спектрометры и антенны. «Виатор» не подавал признаков жизни, все компьютеры подвисли. Наверняка произошла перегрузка системы.

Я подошел к марсоходу, надел перчатки. Провел рукой по его борту, внимательно прислушиваясь. Закрыв глаза.

Разноцветные линии возникли перед моим внутренним взором. Яркие, сочные, всех цветов спектра, они возникали из тьмы, распадались и соединялись заново, выстраиваясь в схемы и запутанные лабиринты. «Виатор» говорил со мной, раскрывая все тайны своего электронного сердца и мозга. Машина посылала сигнал бедствия.

Я зажмурился и двинулся дальше, пробиваясь сквозь хаотическое мелькание цифр, линий, схем, сигналов и пятен света — я искал источник проблемы. Через мой мозг проходили терабайты информации. От напряжения из носа пошла кровь.

Спустя несколько мучительно долгих минут я наконец нашел то, что искал. Открыв глаза, я метнулся к одному из компьютеров. Застучал по клавишам с огромной скоростью, исправляя ошибки в программе. Пара капель крови упала на клавиатуру, но я не обратил на это внимания.

Я был погружен в процесс, чувствовал себя творцом, вдыхающим жизнь в груды металла.

Черт, как же я любил это чувство.

Электронный разум «Виатора» ожил, и марсоход стал издавать низкие рокочущие звуки, похожие на урчание кота. Я довольно улыбнулся. Зачем разбирать прибор на части и тратить долгие часы на выявление ошибок в программе, когда можно спросить у самой машины?

Мне было лет семь, когда я узнал о своей способности заглядывать внутрь механизмов и понимать их. Мой мозг был способен принимать и обрабатывать колоссальные массивы информации. При этом страдало мое тело. У меня случались провалы в памяти, жуткие мигрени, кровь из носа шла почти нон-стоп. Я мог неделями не вставать с кровати.

Наш семейный врач не стал доносить информацию обо мне широкой общественности: собирать консилиумы, таскать меня по больницам и лабораториям. Он получил за свое молчание неплохую плату.

Родители выложили огромную сумму и различным «экстрасенсам», «магам» и «ведуньям». Ни разу нам не встретился кто-то действительно адекватный. Кто-то, кто мог бы объяснить, почему. Истолковать происходившие в моем организме изменения.

Дети индиго, мутанты, телекинетики: сколько умных, ничего не объясняющих слов.

Просто мой мозг работал так и никак иначе.

Пытался ли я искать похожих на меня людей? Лет в шестнадцать-семнадцать — определенно. Переписывался на многочисленных форумах в интернете, ходил на встречи с подростками, считавшими себя особенными.

Потом я вдруг понял, что такие, как я, участвуют в передаче «Битва экстрасенсов» и тратят полжизни, ведя дискуссии на форумах по оккультизму и мистическим явлениям, пытаясь что-то доказать миру, который не готов их услы-

шать. И однажды я просто... успокоился. В конце концов, быть богом в своем маленьком уютном мирке было гораздо интереснее.

— Мне пора на работу, — Пейдж с явным облегчением посмотрела на часы, — мам, подбросишь меня?

— И когда ты решишь сдать на права... — мама закатила глаза и смяла салфетку в руках, — мне тебя до старости возить придется?

— Это уж на твое усмотрение. Жаль, у меня велосипед одноместный, а то прокатила бы с ветерком, — сестра улыбнулась и подмигнула маме. Иногда я поражался ее умению не злиться на бесконечные мамины придирки и недовольства. У Маргарет, похоже, не нашлось на это слов, и она просто улыбнулась в ответ.

Я проводил их до коридора. Меня опять знобило. Хотелось вернуться обратно в кровать и не просыпаться лет триста.

— Кстати, Холден, ты читал — твой любимый Стивен Хокинг предсказывает конец света! — поделилась мама, натягивая пальто.

— Интересно, и из-за чего мы умрем на этот раз? Нас засосет в черную дыру? — без особого интереса спросил я.

— Не поверишь, из-за технологий, — в ее тоне мне почудилось завуалированное злорадство, — и это случится очень скоро.

— Стивену грех жаловаться на технологии, — проворчал

я, — а версия о восстании машин, прямо скажем, не оригинальна.

Маргарет пожала плечами.

— Ладно, сынок, береги себя, — она снова сжала меня в объятиях. Ее макушка как раз доставала до моего подбородка, — не пропадай, звони мне почаще.

— Хорошо, мам.

— А мы с тобой увидимся на выходных, — Пейдж ткнула в меня указательным пальцем, — мы не можем пропустить эту премьеру, ясно? Все звезды сериалов будут. Давно хотела познакомиться с одним типом, — она загадочно умолкла, стараясь сохранить интригу.

— Спишемся, — я обнял сестру, ощутив вдруг бесконечную признательность. Не знаю, какой была бы моя жизнь без Пейдж. Кем бы я стал без нее. Унылым рафинированным сыном богатых родителей?

— Ага. Кстати, надеюсь, ты не собираешься в этом встречать лондонского коллегу? Помолись всем богам моды и выкинь это чудовище поскорее, — Пейдж подергала меня за край свитера.

— Это ведь ты мне его подарила, — беззаботно напомнил я.

— Правда? Не помню такого, — Пейдж зашнуровала кеды, — ну все, я готова! — объявила она.

— Ура! — мама чмокнула меня в щеку. — Пока, сынок.

Маргарет вышла на лестничную клетку, за ней выскочила

сестра.

— Чао, — помахала она мне на прощание.

— Пока-пока, — я улыбнулся им обеим, закрыл дверь.

Странная получилась встреча. И все же я был рад, что мои родные пришли. До приезда парня из Лондона оставалось еще часов пять. Я собирался встретить его на вокзале, потом отвести в какой-нибудь паб и обсудить рабочие моменты. Ближе к вечеру к нам должен был присоединиться мистер Флауэрс. Посещение лаборатории я запланировал на завтра — наверняка коллеге захочется отдохнуть и немного прийти в себя после путешествия. Я вдруг понял, что даже не знаю, как он выглядит. Его звали Тейт О'Хара и общались мы исключительно по электронной почте.

Оставшееся время я потратил на приведение своего организма в чувство. Поспал пару часов, принял душ, побрился. Даже стал похож на приличного человека.

Надел белую рубашку, любимый твидовый костюм в сине-черную клетку и светлый плащ, в котором я был похож на персонажа детективного сериала. Влез в старые потрепанные ботинки и отправился на вокзал Уэйверли.

Поезд моего коллеги пребывал в 17:00. Я приехал на вокзал за пятнадцать минут. Как обычно, в это время там было полно народу. С трудом лавируя среди людей, я устремился к зоне ожидания под красивым куполом в одном из дальних уголков зала. Купил стаканчик кофе и занял сиденье. Кофе немного отвлекал от навязчивого гула голосов. Я уткнулся в

телефон: хотелось найти злополучную новость про Стивена Хокинга. Внезапно телефон завибрировал. Тейт О'Хара.

— Эридан? Здравствуйте. Ну, я на месте. Где вас искать?

— Видите вывеску Costa Coffee, прямо под куполом? Я здесь рядом. У меня светлый плащ, если что.

— Ага. Сейчас будем.

Я поднялся и подошел поближе к кофейной палатке, начал высматривать Тейта в толпе.

Кто-то едва ощутимо тронул меня за плечо, и я вздрогнул от неожиданности.

— Холден? Я Тейт, — я и опомниться не успел, как мне уже протягивал руку высокий темноволосый парень. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу девушка в джинсах с цветочным принтом. Сестра что ли?

— А, да, привет, — я автоматически пожал протянутую руку, — рад наконец увидеться вживую. А вы, мисс... — обратился я к девушке.

— Андела, я жена Тейта, — она улыбнулась и тоже пожала мне руку.

Интересно, ей есть восемнадцать? Андела выглядела очень юной. Волосы собраны в неряшливый пучок, футболка с логотипом Star Wars. Они с Тейтом настолько нелепо смотрелись вместе, что это можно было счесть милым. Я представлял себе коллегу как безликого менеджера в черном костюме. А в реальности увидел самого обыкновенного айтишника.

— Предлагаю немного прогуляться и посидеть где-нибудь. Скоро к нам присоединится мистер Флауэрс. А завтра уже в лабораторию, — я повертел стаканчик в руках, — как вам такой план?

— Отлично. Думаю, пару часов посидим, а потом поедем в отель. Или погуляем? — Тейт обратился к девушке.

Она нервно дернула плечами.

— Не знаю, давай сначала в паб, по ходу дела разберемся, — предложила она.

— Тогда можно пойти в Guildford Arms. Нам сюда, — я повел ребят к выходу из вокзала.

— О, это здорово, он входит в десятку лучших пабов с крафтовым пивом! — Андела одобрила мой выбор. — А вы, мистер Эридан, чем занимаетесь в компании? Выслеживаете шпионов? — любопытствовала она.

Я усмехнулся.

— Ну, что-то вроде. Слежу, чтобы никто не украл наши технологии.

— Ясно-ясно, — бодро отозвалась она.

Однако я почувствовал: девушку что-то очень сильно тревожит. Она всеми силами старалась это скрыть и вести себя как обычно. Тейт взял ее за руку. Они шли за мной, оба погруженные в свои мысли. Тогда я подумал, что виной тому банальная усталость. Путь к вокзалу, четыре с половиной часа в поезде...

Ничего подобного. Эти двое привезли с собой тайну.

Медленно и незаметно их тайна окутала и меня.

1. Андела

Днем ранее

Боже, какой непростительно вкусный сэндвич. Я с аппетитом откусила кусочек. Медово-горчичный соус, бекон, ветчина, цельнозерновой хлеб. Привет, калории, как же я скучала по вам. И нет, мне не стыдно.

Лорна поерзала на соседнем стуле, не зная, куда деть свои длинные ноги.

— Энди, ну проверь, ну, пожалуйста, я хочу знать, сколько там лайков! И что там пишут, ну давай уже чекнем, а, — снова заныла она, накручивая на палец прядь ослепительно розовых волос. — Я забыла телефон.

— Это я уже слышала, — с набитым ртом ответила я, — вечером скину тебе фотки, подожди немного, ну? Господи, почему ты так прекрасен? — я повертела в руках произведение кулинарного искусства. Лорна поежилась. Весь ее обед состоял из стакана маття латте. Но она была моделью, не я.

Я пряталась по ту сторону камеры.

Мы как раз закончили съемку в Нилс Ярд и теперь сидели в кофейне на Шэфтсбери авеню. Лорна училась в одной группе со мной. Периодически мы вместе работали над арт-проектами: придумывали сюжет и образы, а потом устраивали претенциозные фотосеты.

— Мне скучно! — пожаловалась Лорна, вытащила из сум-

ки новенький номер DAZED и лениво пролистала его. — Ну, ты доела? Достань телефон, я не могу больше!

Честно, иногда мне нравилось над ней издеваться. Лорна жить не могла без своих соцсетей. Я достала телефон из кармана и молча протянула ей. Подруга выхватила его и на некоторое время выпала из реального мира. Я допивала кофе, рассеянно наблюдая за прохожими.

Какой хороший день, подумала я. С другой стороны, а каким он еще может быть? Я учусь и работаю в Лондоне. У меня есть друзья, и даже любовь свою я уже встретила. Идеальная жизнь.

— Может, пойдем? — Лорна вернула мне телефон. Она выглядела вполне довольной. Ярко-розовые волосы рассыпались по плечам, и блики осеннего солнца делали их совершенно невероятными.

— Ого, уже тысяча лайков и репост в сообществе London Street Fashion, — я уставилась на фотографию, которую я сняла на телефон в самый разгар нашей фотосессии. Эдакий забавный бэкстейдж.

— Круто, ты, как всегда, молодец! — Лорна похлопала меня по плечу. Поднялась, набросила на плечо сумку. Я сгребла со стола свой рюкзак.

Мы вышли из кофейни и зашагали в сторону Сохо. Лорна громко жаловалась на задание по истории искусств, бурно жестикулировала и пыталась доказать мне, почему ей не нравятся работы авангардистов. Я слушала ее вполуха, раз-

мышляя обо всем и в то же время ни о чем конкретном. По привычке глазела на людей, дома, витрины магазинов, ловила обрывки разговоров на десятках разных языков.

Снова накрыло ощущением, что все это слишком прекрасно и не принадлежит мне по праву. Иногда я чувствовала: однажды я проснусь и увижу истинный мир — не отредактированный в фотошопе, не улучшенный с помощью фильтров. Мир, который на самом деле существует. И ничего я с этим не смогу сделать.

— Мама стейк приготовит, придется есть, к черту диету, да? Мама так редко приезжает. Энди, ты вообще слушаешь? — Лорна ощутимо ткнула меня в бок. — Я тебе тут о важных проблемах, а ты...

Мы дошли до автобусной остановки и на минуту замерли под расписанием. Лорна жила в Кэмдене, а я — на Данэм Роуд. Нам было не по пути; пришло время прощаться. Лорна очень ждала приезда мамы и собиралась как следует подготовиться (в ее понимании это предполагало раскладывание вещей по местам и элементарное мытье посуды). А мне ужасно хотелось домой: налить себе чаю, залезть под одеяло и посмотреть какой-нибудь сериал.

Лорна быстро обняла меня и унеслась ловить свой автобус. Я помахала ей вслед и пошла в обратную сторону.

На душе было легко, в голове — пусто. Рюкзак привычно натирал плечо. Фотоаппарат, блокнот, термос, косметичка для создания любого образа в полевых условиях. Это добро

весило целую тонну, но я не могла с ним расстаться. Вещи стали частью меня; без них я ощущала себя неудобно.

Примерно через час я наконец добралась домой. Мы жили в небольшом частном доме на три семьи. У нас был уютный сад с раскидистыми деревьями, мангал для жарки барбекю, качели, на которых я любила висеть с книжкой теплыми летними вечерами. Наш дом казался сказочным, сошедшим со страниц книг о типичной Великобритании. В Праге я жила в самом обыкновенном спальном районе в многоквартирном доме. Переехав в Лондон, поначалу обитала в общежитии. Но потом я встретила Тейта.

Мне казалось, теперь счастье будет длиться вечно. Я вообще воспринимала свою жизнь как клип Ланы Дель Рей: с обязательным набором романтических пейзажей, закатов и венков из роз. Я не учла лишь одно — все меняется. Что-то заканчивается, начинается нечто иное, и вдруг приходится делать выбор.

Но зачем думать об этом, когда ты счастлив, верно?

Я открыла дверь и вошла в прихожую. Скинула ботинки, поплелась на кухню готовить чай. Позвонить мужу, что ли? Зевнув, я засунула в ухо наушник и набрала Тейту.

— Привет! Как ты там? — я включила чайник и открыла шкафчик, выбирая, какой же чай заварить.

— Пока живой, но это не точно. — Тейт не удержался и чихнул.

— Ну, это обнадеживает, — я взяла с полки банку черного

чая с ванильным ароматом.

— У нас, как всегда, очень весело, — совершенно невеселым тоном сообщил Тейт. — Меня завтра отправляют в Эдинбург, нужно встретиться в университете с руководителем проекта и его командой. Заранее у нас ничего планировать не умеют, все в последний момент, — сокрушенно прибавил он.

— Проект — это тот суперсовременный марсоход? Виа-тор?

— Он самый.

— Так, ну я надеюсь, домой-то ты сегодня вернешься?

— О-о-ой не знаю, — скептически протянул Тейт, — есть вероятность, что приползу. Чего делаешь? Устраивали сегодня фотосет?

— Ага, да все круто. Делаю... да ничего пока, может Нетфликс включу, гляну чего-нибудь.

— Ой, ты только One Piece без меня не начинай смотреть!

— Ладно-ладно, — пообещала я.

Мой муж работал в Aurora Aerospace. Компания производила технику и оборудование для авиационно-космической отрасли. Тейт вроде как был инженером, но выполнял в основном менеджерскую работу, до проектирования его пока не допускали и он очень бесился.

С Нетфликсом у меня в итоге не сложилось. Я налила себе чаю и занялась разбором фотографий. Пока фотки копировались с камеры на ноутбук, я залипала в соцсети.

Муж вернулся даже не слишком поздно. Он выглядел совершенно замученным. Пробурчал унылое «привет», устремился в спальню и рухнул там лицом в подушку. Я села на край кровати рядом с ним, осторожно погладила по темным вьющимся волосам.

— Ты живой?

В ответ — невнятное мычание. Кажется, не особо.

Я потыкала его в бок. Ноль реакции. Потом залезла на кровать, мягко, но ощутимо вцепилась ему в плечи, заставила перевернуться на спину.

Тейт загадочно улыбался. Нос его немного покраснел, губы обветрились, на щеках пылал болезненный румянец. Меня окатило волной нежности и любви к нему. Тейт смотрел на меня, слегка прищулив глаза. Он ничего не говорил, да это было и ни к чему — все его чувства я могла прочитать в глазах. Мы прожили вместе всего два года, но мне казалось, что я знаю его всю жизнь или знала в жизни прошлой. Слова порой не имели совершенно никакого смысла. И все же я нарушила молчание:

— Вас эксплуатируют, как домашних эльфов! Пора взбунтоваться и потребовать носки. Или хотя бы премию.

Вместо ответа Тейт притянул меня к себе и осторожно поцеловал. Я ответила, совсем забыв про возможность проснуться утром с головной болью и насморком. Через пару минут я отстранилась и легла рядом, положив голову ему на плечо.

— К слову, носки я уже потребовал. Добби — свободный эльф! — Тейт потер глаза. — Я попросил двухместный номер, мы можем поехать вместе. И билет тебе купим со скидкой от компании. Ну, если ты вдруг решишь прогулять работу и универ.

— Серьезно? — я нашла его ладонь и крепко сжала. — А что, так можно? Ну тогда я точно в деле.

— Позвони начальнице, предупреди. А я пока пойду поужую чего-нибудь, — Тейт зевнул и с трудом сполз с кровати.

Я набрала Молли и сбивчиво рассказала про командировку мужа. Пока говорила, нарезала круги по квартире.

— Да без проблем, поезжай, — Молли отреагировала на удивление спокойно. — Только договорись с кем-нибудь из девочек, чтобы вышли вместо тебя. Можешь Лорну позвать, она в прошлый раз отлично справилась.

— Тейт, все круто, мы едем! — заорала я.

Потом заметила, что скачивание фотографий закончилось и пошла проверять.

Я сняла вполне неплохие кадры. К тому же, сильно повезло с погодой, день выдался ясным и солнечным. Нилс Ярд буквально сиял своими кислотными цветами. Ну а Лорна... Она всегда чудесно получалась на фотографиях.

Я пролистала пару десятков фоток, прежде чем наткнулась на одну-единственную, изменившую мою жизнь раз и навсегда.

Лорна стояла в переулке между кислотными домами —

желтым и неоново-розовым. Высокая, в простом черном платье и со шляпой в руках, она смотрела в камеру с вызовом и усмешкой.

А за ее спиной...

Позади нее застыли жуткие бледные существа. Высоченные, с когтистыми суставчатыми пальцами. У них не было лиц. Существа касались плеч Лорны: нежно, почти заботливо.

Обнимали ее. Смотрели Лорне в спину своими жуткими пустыми глазницами.

Пейзаж тоже изменился. Переулок уходил во тьму; на месте одного из домиков выросла заброшенная церковь в разводах темно-зеленого мха и плесени. Серое небо сочилось дождем, нависая над переулком тяжелой пыльной завесой.

Сначала я не совсем осознала то, что увидела. Пролистала назад. Потом вперед. Вернулась к злополучной фотографии и снова уставилась на нее, не понимая абсолютно ничего.

Руки у меня предательски дрожали. В глазах стало мутно от подступающих слез.

— Тейт? — слабо позвала я. — Тейт, можешь посмотреть?

Он как раз вошел в гостиную с кружкой чая и куском сыра в руке.

— Новые фоточки? — заинтересованно спросил он и сел рядом со мной. Поставил чашку на столик, чуть придвинул компьютер. Картина показалась мне дикой. Тейт флегматич-

но жевал сыр и созерцал эту жуткую фотографию.

— Ну, мрачновато как-то, — наконец вынес вердикт он, — в духе Дона Кенна получилось. Крутой концепт. А еще есть?

— Это не фотошоп, — выдохнула я, — Тейт, это не фотошоп!

— Ну конечно, — хмыкнул Тейт. — Да тебе десять минут на такой арт нужно.

Я замотала головой.

— Это не фотошоп, — тупо повторила я. Из глаз вдруг хлынули слезы — я больше не могла держать их в себе.

— Энди, ты чего?! — Тейт, кажется, испугался моей реакции. Он притянул меня к себе и крепко обнял. Я уткнулась носом в его плечо. От Тейта пахло эвкалиптовыми леденцами.

— Посмотри еще раз. Пожалуйста.

Не выпуская меня из объятий, Тейт чуть подался вперед. Я зажмурилась и боялась открыть глаза. Он молчал; я прислушивалась к стуку его сердца и шуму ноутбука.

— Какие версии, если это не фейк? Поищем в сети аналогичные случаи? Да чей-то прикол, говорю тебе.

— Исключено, — я выбралась из своего надежного укрытия и взглянула на Тейта. Кажется, он до конца не верил в реальность происходящего, — я начала перекидывать фотки на комп за полчаса до твоего прихода. Перед этим фотоаппарат все время был в рюкзаке.

Ответа у Тейта не нашлось. Он еще раз посмотрел на фотографию. Потом на меня. Нахмурившись, предположил:

— Ну, иногда получается сфотографировать призраков. В сети можно посмотреть кучу подобных снимков. Большинство, конечно, подделки, но некоторые...

— Да это не призраки, а чертовы монстры! — огрызнулась я и вскочила на ноги. Принялась расхаживать по гостиной взад-вперед. Я уже не могла думать о чем-то другом, сознание заволочло страхом и паникой.

Такого просто не может быть. Не может быть, и все тут.

— Я поищу в сети, — удивительно, как Тейту удавалось сохранять самообладание.

— Не надо ничего искать, — я подошла к столу и захлопнула ноутбук. Меня трясло от самой мысли. — Давай посмотрим после поездки. Если вдруг не окажется, что нам эта мерзость просто привиделась, — я выдавила из себя улыбку. Тейт окинул меня скептическим взглядом. Не поверил, конечно же.

А я просто не хотела больше думать о фотографии с монстрами. Всеми силами пыталась оттянуть наступление неизбежного.

— Пойду спать.

Я не обняла Тейта, не поцеловала, не пожелала ему спокойной ночи. Я чувствовала себя настолько сбитой с толку и ошарашенной, что почти не соображала. Скинув одежду, я натянула безразмерную футболку для сна и забралась под

одеяло. Накрылась им с головой.

Надо написать Лорне...

Меня хватило только на фразу «Отпросилась на два дня. Выручишь? Надо поработать в магазине».

Я слышала, как Тейт стучит по клавишам в соседней комнате. Черта с два он бросит свою затею. Наверняка пошел копать в тредах на реддите.

Интересно, как выглядел его поисковый запрос? Снимки потустороннего мира? Фотографии призраков? А еще он, кажется, хотел купить мне билет на поезд.

Эта мысль меня успокоила. Она была такой простой, уютной и понятной. Безопасной. Я ухватилась за нее, заставила себя думать только об Эдинбурге. Потом почувствовала укол совести: Тейту было плохо, а я позорно сбежала, спряталась от чудовищ под одеялом.

Вскоре Тейт зашел в спальню и сел на краешек кровати.

— Ну все, завтра в десять утра стартуем. Правда, места в разных вагонах, но мы можем ходить друг к другу в гости. Поставишь будильник? Я пока в душ сгоняю.

— Ладно, — я подала голос из своего одеяльного кокона.

— Люблю тебя, совушка, — Тейт нежно улыбнулся мне.

— А я тебя.

Он был таким красивым, когда улыбался. Я скажу ужасно банальную вещь: когда человек улыбается искренне, он будто светится изнутри. Тейт был весь словно соткан из света.

Идеальная жизнь. Как же я буду по ней скучать.

Поезд отправлялся с вокзала Кингс-Кросс.

Когда я впервые увидела площадь перед вокзалом Кингс-Кросс и Сейнт-Пэнкрас, я живо представила, как Джоан Роулинг могла прийти в голову идея книги о Гарри Поттере. Невозможно жить в Лондоне и не придумывать сказки. Невозможно увидеть Англию и остаться равнодушным.

Сейнт-Пэнкрас напоминал замок из красного кирпича. Мимо него можно было передвигаться, исключительно задрав голову вверх, чтобы иметь возможность рассмотреть все детали фасада. Наверное, я никогда не смогу привыкнуть к этому городу и смотреть на него глазами типичного лондонца. Я навсегда останусь восторженной туристкой.

Тейт вырос здесь и зачастую принимал свой город как данность. Ворчал из-за переменчивой погоды, пробок, толп туристов. Но я знаю: каждый раз, когда мы гуляли вместе, Лондон открывался ему с новых сторон. Я помогала ему увидеть то, чего он раньше не замечал. Так обыденность превращалась в сказку — и мы создавали ее своими силами.

Мы поженились, когда мне было двадцать, а ему — двадцать три. Родители сочли это очень необдуманным решением. Но знаете, как бывает — иногда встречаешь человека и понимаешь, что будешь с ним. Просто будешь. И неважно, сколько испытаний перед этим вам предстоит пройти.

Мы пили кофе, с улыбкой поглядывая на туристов рядом с памятником на платформе 9 и $\frac{3}{4}$. К тележке с чемоданами и совой выстроилась целая очередь: всем хотелось сфото-

графироваться на память. Кофе был вкусным, Тейт обнимал меня за плечи, а я смотрела на свою исполнившуюся детскую мечту. Мысли о злополучной фотографии я задвинула в самые отдаленные уголки своей памяти.

Тейт тоже не поднимал болезную тему, но я чувствовала — он провел свое исследование и пришел к каким-то выводам.

Я проверила телефон. Пришло сообщение от Лорны.

«Я в магазине, у нас тут аншлаг! Спасибо, солнце! Удачной вам поездки».

Я улыбнулась. Аншлаг, неудивительно. Кто пройдет мимо высокой девушки с ярко-розовыми волосами, одетой в лучших традициях японской уличной моды?

Объявили начало посадки на поезд; Тейт проводил меня до вагона.

— Ну, не скучай без меня, — он подмигнул на прощание.

— Да уж конечно. У меня куча недочитанных книг.

— Лично я собираюсь выспаться, — заявил Тейт.

— Унылость какая, — я пихнула его в бок, — да кому вообще нужен сон?

Тейт закатил глаза, трагически вздохнул, и, закинув рюкзак на плечо, зашагал к своему вагону.

Я села на место у окна, запихнула рюкзак под сиденье и включила музыку. Устроилась поудобнее.

Ну что ж, Эдинбург.

Странно, но мне совсем не хотелось туда ехать. Хотелось только одного — отмотать этот день назад и не соглашаться

на съемку в Нилс Ярде. Вообще вычеркнуть эти события из памяти.

Удивительное дело — я так любила читать мистические истории. Но когда нечто подобное случилось со мной, я решила просто сделать вид, что все в порядке. Ничего не произошло, и жизнь идет своим чередом.

Скоро я буду в Эдинбурге!

Эта мысль не вызвала воодушевления. Вообще никакого.

В глубине души я уже понимала: что-то изменилось, и прошлая я вдруг разлетелась на осколки.

2. Кай

Сыр! Я люблю сыр. Нет ничего прекраснее сыра. Он лежит на тарелке, нарезанный аккуратными кубиками. Тут тебе и дорблю, и пармезан, и бри, и камамбер. Еще пара сортов с непроизносимыми названиями. Все это великолепие подано с виноградом, медом и помидорками черри.

Вот за это я люблю работу «в полях». Главное — пережить переговоры: переводишь, переводишь всякую чушь, а потом можно с чистой совестью идти на банкет и пробовать все подряд.

Еще здесь наливают вино. Терпеть его не могу, но португальское винью-верде — «зеленое вино» — мне нравится. Пьешь, а потом вдруг понимаешь, что у тебя отказали ноги. Отличный эффект, то что нужно. Важно встать поближе к блюду с мясными деликатесами, а то их быстро разбирают. Лучше жевать хамон, чем общаться с гостями. И делать вид, что усиленно жуешь, иначе пристанут с расспросами. Захотят пообщаться, завести бессмысленный разговор. Нет уж, спасибо. Я здесь не за этим. В нашем переводческом бюро не хватает сотрудников, которые могут осуществлять синхронный перевод, вот меня и отправили работать на мероприятия.

Обычно я перевожу только тексты. Письменный перевод предполагает максимальную изоляцию от людей — это мне

подходит. Я работаю из дома. Иногда мне звонит начальник с криками о помощи, и приходится ехать на очередное Очень Важное Событие: выставку, встречу, саммит, банкет, гала-вечер, бизнес-ланч или еще что-нибудь из этой серии.

Забавно, что я стал переводчиком. Моя бабуля была итальянкой, и я с детства говорю по-итальянски. Поэтому перевод для меня — легче легкого. Я закончил университет дистанционно (с моим ритмом жизни вставать по утрам было невозможно). Именно из-за учебы я поругался с родителями. Это было давно, но не общаемся мы до сих пор. Список взаимных претензий стал слишком длинным, а никому из нас идти на компромисс не хочется.

Теперь я живу в пригороде Эдинбурга, с дедом. Он прославленная фигура в научных кругах, руководит проектом по запуску марсохода. Лучи его славы на меня никак не распространяются. Да и переводчик я, скажем честно, довольно посредственный. Зарабатываю достаточно, чтобы хватало на жизнь. Еще у меня есть небольшая подработка в интернете, но об этом моим коллегам по переводческому бюро знать не обязательно.

— Как вам эти канапе с вялеными томатами? Выглядят не очень, но, может, попробовать? — миловидная брюнетка в розовом пиджаке подошла ко мне и ткнула пальчиком в блюдо с закусками. У нее был легкий акцент. Я видел ее на встрече партнеров — она, кажется, секретарь синьора Кавалли, главы маркетинговой службы PonteVecchio. Эта компа-

ния производит мегасуперэлитную мебель (по-моему, у них даже в рекламных буклетах так написано. Мегасуперэлитная, ха).

— Ну, не такие вкусные, как у вас на родине, но сойдет, — улыбнулся я, — ваши британские партнеры старались как могли.

— Неужели сами вырастили и высушили на солнце? — девушка взяла с тарелки канапе и отправила в рот. — Вкусно! — через пару мгновений вынесла она вердикт.

Вот чем я занимаюсь на банкетах. Веду интеллектуальные дискуссии о вяленых томатах. Очень кстати мимо проходил официант с полным подносом бокалов. Я взял винью-верде. Еще пара бокалов — и этот разговор перестанет быть настолько идиотским.

— Мистер Флауэрс, с вами хотел поговорить синьор Кавалли, — ко мне подбежал взъерошенный сотрудник PonteVecchio — было заметно, что он весь вечер носился по поручениям шефа и не мог даже перехватить пару-тройку канапе, — он в переговорке. Подойдите к нему, пожалуйста!

— Дела, дела, — обратился я к девушке в розовом пиджаке.

— Удачи! Надеюсь, еще увидимся, — мило улыбнулась она.

Скорее всего, нет, но я не стал ее расстраивать. Взъерошенный парень проводил меня в переговорку и с явным облегчением закрыл за собой дверь. Я остался в кабинете на-

едине с синьором Кавалли.

— А, синьор Флауэрс, — мужчина расплылся в улыбке, — садитесь! Вот сюда, ага.

Я уселся на предложенное место, рядом с Кавалли. Перед нами на столе для переговоров расположилась бутылка скотча. Я покрутил в руках бокал, потом выпил залпом. Пора переходить к тяжелой артиллерии. Все-таки бесплатная выпивка — несомненный плюс подобных мероприятий!

— Спасибо за отличную работу, вы прекрасно справились, — Кавалли разлил скотч по стаканам. Что-то должно было меня насторожить: глава маркетинговой службы решил выпить с переводчиком, такое происходило нечасто. — Не рассматриваете работу в иностранной компании? У вас прекрасный итальянский, почти как родной. У вас ведь есть родственники в Италии, верно?

Я молча наблюдал за его мимикой. Невысокий холеный мужчина неопределенного возраста. С внешностью постаревшего порноактера. Густые темные волосы с проседью, очки в тонкой оправе, костюм от Armani.

Я зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Синьор Кавалли, спасибо за добрые слова и предложение, но я не могу согласиться. Мне нравится работать в родном городе, к тому же, нужно помогать дедушке, — я потянулся к стакану и, не дожидаясь приглашения, сделал глоток. Отличный скотч. Молодцы партнеры, не поскупились.

— Как печально, — все так же приторно улыбнулся Ка-

валли, — давайте тогда просто выпьем за удачные переговоры: они состоялись благодаря вам!

Мы чокнулись, и я выпил оставшийся скотч залпом. Неплохо, неплохо. Главное, чтобы потом я мог нажать иконку убера и вызвать такси.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. У вас есть родственники в Италии?

Дались ему мои родственники! Как будто я не понимаю, к чему все это идет. Спросил бы уже прямым текстом, зачем все усложнять? Меня едва не сбивало со стула потоком его эмоций. Алчность, азарт, вожделение. В основном — вожделение.

Следующий стакан скотча. До чего же приятное чувство... Еще пара стаканов, и пора делать ноги.

— Моя бабушка — из Флоренции. Они с дедушкой познакомились в галерее Уффици, представляете? Как в кино.

— О, правда. Флоренция, город романтики...

Его ладонь мягко опустилась на мое колено. Я сделал вид, что ничего не заметил. Ладонь была горячее, как он не прожег мне штаны, интересно? Ладонь поползла выше.

Неприятно, но ожидаемо. Иногда подобного рода инциденты случались.

Я налил себе скотча, быстро выпил. А потом, дружелюбно улыбнувшись, заявил:

— Эм, синьор Кавалли, разговор зашел куда-то не туда. Спасибо за скотч, мне пора идти!

Я поднялся со стула. Кавалли пришлось отдернуть руку. Он был явно разочарован, но лица при этом не потерял.

— Что ж, жаль! Вечер мог бы получиться интересным. Рад был с вами поработать, — меня обдало жаром его ярости, — если передумаете, вот моя визитка.

Он поднялся, подошел очень близко. Сунул мне в карман джинсов визитку, не отводя взгляда. Да господи боже мой, неужели во всем Эдинбурге не нашлось больше претендентов на роль «личного переводчика» этого мерзкого типа?

Выдавив из себя дежурную улыбку, я выскочил за дверь. Хотелось заехать ему по зубам... но пришлось сдержаться, черный пиар мне совершенно ни к чему.

Я устремился прочь из конференц-зала мимо недоеденного сыра и хамона. Вот по ним я точно буду скучать. Гости провожали меня равнодушными взглядами. Всем плевать. Никого не волнует, чем занимается синьор Кавалли на досуге.

Настроение было так себе (главным образом меня расстроило, что не удалось попробовать десерт). Погода была под стать — мутная, туманная и мрачная. Накрапывал дождь, и Принсес-стрит выглядела неприветливо. Люди неслись по своим делам, почти сбивая друг друга с ног. Вдалеке виднелся силуэт неоготического монумента Скотта — в туманной дымке он казался вырезанным из черной бумаги. Туристы фотографировали город из-под зонтов. Что ж, ребята, вам повезло увидеть хрестоматийную мрачную Шотландию.

Я застегнул пиджак, накинул капюшон толстовки и зашагал вверх по Принсес-стрит. Ноги просто несли меня вперед. Хотелось, чтобы гадкий аромат этого мероприятия смыло дождем. Но вместо этого дождь просто капал мне на нос.

Честно говоря, я не фанат работы с людьми. Нет, я не мизантроп и не социофоб. Просто ощущать чужие эмоции — довольно бесполезный и неприятный навык. Хотя, пожалуй, я смог бы работать консультантом в полиции. Указывать, когда подозреваемый врет. Только вакансии штатного экстрасенса у них вроде бы не предусмотрена. А может, я просто давно не обновлял резюме.

Самое печальное, что люди почти не радуются. Их эмоциональный диапазон ограничен в основном негативом. Они почти не радуются, вот и все.

Это меня расстраивает. Мне хотелось бы, чтобы люди были похожи на случайных туристов — их, как правило, переполняет восторг. Это приятно. В такие моменты я радуюсь вместе с ними, вижу город их глазами. Иногда я встречаю счастливые влюбленные пары. Я, как наблюдатель, подсматриваю эмоции, греюсь в лучах света. Но их эмоции мне не принадлежат, и слава богу.

Кеды полностью промокли за пару минут. Сумка натерла плечо. Да что сегодня за день такой! Выругавшись сквозь зубы, я прибавил шаг.

Я дошел до монумента Скотта и свернул на Реджистер-стрит. В одном из переулков притаилась забегаловка Pret-a-

manger. Зашел выпить чаю. Я совсем замерз, и настроение было паршивым. Заказал чай, круассан с ванильным кремом и пристроился подальше от окна. Достал телефон, проверил соцсети. Последняя фотография собрала кучу реакций.

Лет в семнадцать я поймал очень тяжелый грипп и попал в больницу. Когда мне немного полегчало и я уже мог передвигаться, меня потянуло бродить по территории больницы. В один из дней я выбрался на крышу. Залез на самый край и стоял там, глядя на раскинувшийся вдали парк. Смотрел на крыши города. Я видел только солнце и силуэты — почти как на картинке. Идеальный нарисованный город из книги сказок.

Здесь, на высоте, было спокойно. Здесь было тихо и правильно. Весь мир казался маленьким и неопасным. Это ощущение высоты оказалось слишком прекрасным, чтобы от него отказываться.

Мне удалось собрать внушительную аудиторию подписчиков. Впрочем, я никогда не выкладывал в соцсети свои фотографии. Только снимки с разнообразных крыш — домов, высоток, башен, замков. Фотографии с вышек и мостов — словом, со всех высоких мест, до которых я смог добраться.

Многие говорят, что меня манит адреналин. Но это не так. Меня притягивает ощущение спокойствия, которое возникает, когда смотришь на мир с высоты. Ветер треплет волосы, сердце бьется чаще, и кажется, что нужно так мало, чтобы взлететь.

Я спокойно жевал свой круассан и просматривал ленту. Внезапно раздался звонок шефа. Я доложил, что встреча закончилась.

— И кстати, — весело сказал мистер МакКиннон, — все так довольны твоей работой, особенно синьор Кавалли.

Очень сомневаюсь, но ладно. Здесь мы входим на неизвестную территорию «профессиональной этики» и «позитивной обратной связи».

— Можешь не возвращаться в офис, — продолжил шеф, — пока!

Надо же, как его взбодрил синьор Кавалли. Хотя бы одной проблемой меньше. Теперь можно со спокойной совестью зайти в Guildford Arms, повидаться с Инеш.

Какая-то девушка написала под фотографией с колоннады Исаакиевского собора в Петербурге очень эмоциональный комментарий: «Хватит с нас фотографий города и ботинок, мы хотим селфи!!!»

Ого, это прямо крик души.

Я убрал телефон в карман и подумал, что будет, если и правда выложить свою фотографию. Равнодушных не останется. Я создал вокруг своего аккаунта ореол таинственности — он избавлял меня от множества проблем. Например, не вступать в прямое взаимодействие с людьми. Я мог просто делиться с ними увиденным, показывая мир с необычной, неожиданной стороны (и высоты!).

Круассан оказался очень вкусным, и я смел его в два счета.

Потом допил чай и направился в паб к Инеш.

Рабочий день закончился и паб постепенно наполнялся посетителями. Внутри было очень уютно: большие окна, деревянные панели на стенах, круглые столики. Я подошел к барной стойке. Инеш как раз наливала пиво клиенту. Заметив меня, она кивнула. Я устроился на высокий стул напротив бара и принялся ждать, когда подруга освободится.

С Инеш мы познакомились на крыше небоскреба Shard London Bridge. Мы влезли туда за пару месяцев до его официального открытия. Нашли друг друга в интернете, списались, договорились о встрече. Задача была рискованной, но мы справились. На пути нам встретился всего один охранник, мимо которого удалось прошмыгнуть. По лестничным маршам мы поднялись на 70-й этаж.

Тогда Инеш призналась мне, что только на высоте она чувствует себя по-настоящему живой. Я знал, что восторг и страх высоты помогают ей на время забыть об унынии и ощущении загнанности.

Весь Лондон раскинулся перед нами — бесконечный неоновый лес светящихся рек, деревьев и цветов. Мы молчали. В этом мире не осталось никого, кроме нас, потерявшихся в городе незнакомцев. Было круто. С тех пор мы с ней подружались и периодически проводили время вместе.

— Хочешь чего-нибудь? — голос Инеш вернул меня к реальности, — есть пара минут поболтать, пока народ не набежал.

— Привет. Чаю сделаешь?

— С тобой все в порядке? — девушка вопросительно изогнула бровь. — Ничего не перепутал?

— Эрл грей. С молоком и сахаром, — улыбнулся я.

Инеш не удержалась от ехидного смешка, но все-таки приготовила мне огромную кружку. Встала напротив меня, скрестила руки на груди. Она была очень красива: невысокая, с женственной фигурой и потрясающими волосами, падающими ей на плечи мелкими непослушными кудряшками.

— Давненько тебя не видела. Вылез из берлоги наконец?

— Ага, я тут работал неподалеку. На исторической встрече производителей мебели.

— Звучит очень захватывающе. Судя по твоему лицу, прошло просто прекрасно. Давай, друг дорогой, рассказывай уже.

— Да нечего рассказывать, скука смертная.

— Понятно, — кажется, Инеш мне не поверила. — Чего желаете? Портер? Один момент, — девушка метнулась к подошедшему гостю. Через пару минут она объявила:

— Я снова здесь. К слову, какие у тебя планы на вечер? Оставайся, я скоро закончу смену, и можем по набережной проехаться на великах. Как в старые-добрые.

Я протестующе махнул рукой.

— Совсем старый стал, перспектива гонять ночью под дождем меня совершенно не вдохновляет. Лучше скажи, ты на выходных занята?

— Засядем дома и устроим сериальный марафон? Посмотрим. Слушай, Кай, я тут наткнулся на один паблик, subway_angels называется, — продолжила Инеш, — готова поспорить, несколько фотографий были твоего авторства. Ты случайно не начал снова искать эти... зоны?

— Все фотки в этом аккаунте — чертов фотошоп. Нет никаких доказательств, что они настоящие.

Честно, мне бы так хотелось рассказать ей. Но одно дело — верить в Пограничные зоны и искать их, а совсем другое — точно знать, что они существуют.

И знать, какие твари оттуда приходят.

Инеш окинула меня долгим взглядом. Покачала головой.

— Ты чего-то не договариваешь. Точно все нормально?

— Да, все прекрасно.

— Ну ладно, — недоверчиво согласилась Инеш.

— Как ты? Ученики не замучили?

Она неопределенно махнула рукой. Инеш преподавала на курсах португальский язык, и частенько это оказывалось тем еще испытанием.

— Просто я сегодня исчерпал свой лимит общения с людьми, — признался я, — но на тебя это не распространяется!

— По тебе заметно, — подтвердила она, — ну так давай, домой поезжай, чего тут засел? Добрый день, как дела? — выражение ее лица изменилось, когда к бару подошла группа ребят, явно туристов.

— Какие сорта крафтового пива посоветуете? — запинаясь, спросил самый смелый из них.

Инеш начала лекцию об ассортименте паба, а я допил свой чай.

— Пойду, пожалуй, — я поймал извиняющийся взгляд Инеш. Она кивнула: «Спишемся вечером». Я слез со стула и устремился в уборную.

По дороге туда столкнулся со взъерошенной девчонкой в футболке Star Wars. Меня обожгло ее страхом — редко люди так боялись! Это был страх перед неизведанным. На секунду я замер и посмотрел ей вслед. Почему-то хотелось остановить ее и поговорить. Как странно... Меня редко посещали подобные идеи. В смысле, пристать к незнакомому человеку с расспросами о его эмоциональном состоянии. «Добрый день, я чувствую, что вы расстроены, не хотите ли поговорить об этом?» Бред какой.

Я тряхнул головой, стараясь отогнать наваждение. Потом отправился по своим делам. Краем глаза я заметил свое отражение в зеркале. Я выглядел как несчастный студент во время сессии: кудрявые каштановые волосы сильно отросли, глаза наполнились вселенской тоской.

Потом я вспомнил, что был сентябрь и учеба только началась. До сессии бедным студентам еще жить и жить. Неудачное сравнение!

До вокзала я добрался минут за пятнадцать. Сел в автобус до городка Рослин. Достал наушники, включил The Killers.

Хотелось чего-нибудь бодрого, и я выбрал альбом «Day and Age». Автобус мягко тронулся с места, и мы, наконец, поехали домой.

Небо за окном приобрело странный фиолетово-сизый оттенок. Размытый мир проплывал вдоль дороги, смазанный и растушеванный, как будто нарисованный. Крупные капли дождя разбивались о стекла, причудливыми узорами растекались по поверхности.

Через пару остановок в автобус проникли призрачные существа. Они питались воспоминаниями. Существа напоминали Безликого монстра из мультфильма «Унесенные призраками». Высокие сторбленные фигуры в черных лохмотьях. Головы их украшали ветвистые призрачные рога. Огромные пустые глаза без зрачков, широкие пасти, усыпанные мелкими острыми зубами. Твари уселись позади пожилой парочки, протянули к ним свои тонкие узловатые ручки.

Человеческая память наполняла их жизнью. Делала сильнее, помогала продлить их странное, лишенное всякого смысла существование в нашем мире.

Один из призраков заметил меня. Обернулся, посмотрел на меня своими черными безэмоциональными глазами. А потом продолжил трапезу.

Они заберут у старичков совсем немного. Встреча с призраками никак им не навредит. Просто забудут пару эпизодов из своей жизни.

Я бросил взгляд в окно.

Сколько я уже видел?

Демоны-паразиты, которые пили отведенное человеку время; охотники на сны; ангелы подземки; Тысячеглазые; Безликие; мимы. Десятки тварей, которые стали частью привычного мира.

The song maker says: «It ain't so bad»

The dream maker's gonna make you mad

The spaceman says: «Everybody look down

It's all in your mind»

В плеере звучала замечательная веселая песенка «Spaceman». Серьезно, старина Брэндон, ты не шутишь? Слова «Все это в твоей голове» казались насмешкой с его стороны.

Я накинул капюшон, закрыл глаза.

Монстры никуда не исчезли, я знал. Они будут кататься по этому маршруту, пока не насытятся. Что с ними произойдет потом? Уже неважно. Я ничего не могу сделать. Я могу только смотреть. И это бесит.

Автобус затормозил на нужной остановке, я выбрался из салона, огляделся. Воздух в поселке был чистым и свежим, пахло осенью и лесом. Поправив сумку, я зашагал от остановки домой.

Спустя пару минут я был на месте. Наш дом стоял особняком; он выглядел немного неопрятным, но зато уютным. Его стены оплетали побеги плюща, над крыльцом висел фо-

нарь, а вокруг буйно рос декоративный кустарник.

Вошел в прихожую, скинул наконец промокшие кеды. Из глубин дома доносились раскатистые звуки мантры «ОМ». Резко пахло ароматическими палочками.

— Нонна? — позвал я. — Бабушка, ты тут?

Я вошел в гостиную. На коврике в самом центре комнаты в позе лотоса сидела моя бабуля. Свои длинные седеющие волосы она заплела в косу. На ней была ее любимая форма для занятий йогой: фиолетовые леггинсы и футболка радужной расцветки. Фигуре моей бабушки могли смело завидовать молодые девушки. В отличие от нас с дедом, она всегда следила за своим здоровьем и физической формой.

— Я тебя вижу, — не открывая глаз, сообщила Нонна. Вообще-то, бабушку звали Феличиана, но я называл ее Нонна — «бабушка» по-итальянски.

— Привет, — я забрался в кресло, по обыкновению уселся на подлокотник, — что на этот раз, сандал и пачули? — я помахал перед собой рукой, разгоняя дым от палочки.

Бабушка приоткрыла один глаз.

— Сандал и ваниль. Нравится?

— Ну-у-у, это лучше, чем предыдущие. У дедушки от них потом весь день голова болела.

Нонна осторожно выбралась из позы лотоса, выключила «ОМ» и, обернувшись ко мне, сказала:

— Дедушка эти палочки ненавидит как класс. Ну что, чаю выпьем? Как все прошло?

— Давай.

Мы пошли на кухню, и Нонна разлила чай по чашкам.

— Как прошел день? — повторила вопрос бабушка. — Я думала, ты позже вернешься. Ну и более веселым, — усмехнувшись, прибавила она.

— Да идиотский какой-то день, — я потерял висок. Голова начала болеть. — Клиент попался специфический. — Я опустил подробности работы с синьором Кавалли и историю о встрече с монстрами в автобусе. Бабушка спокойно выслушала мой крайне унылый рассказ о работе, МакКинноне и разговоре с Инеш.

После окончания школы мы с другом поехали в США. У нас была мечта: путешествовать в стиле road movie, переезжая из города в город. Мы фанатели от книг Стивена Кинга, «Секретных материалов» и прочих мрачных мистических историй о жизни в маленьких американских городах.

Странное получилось путешествие. Мы действительно исколесили всю Америку. Работали на лесопилках, автозаправках, играли на гитаре в переходах Нью-Йорка и толкали дурь в Сан-Франциско. Мы воплощали знакомые сюжеты в жизнь, представляли себя персонажами прочитанных в детстве книг.

Однажды, проснувшись ранним утром в машине где-то на краю жуткого леса в штате Орегон, я увидел то, чего видеть совершенно не хотел.

Сумрачный лес перед моими глазами вдруг ожил. Среди

деревьев один за другим возникали зеленоватые огни святого Эльма: они вспыхивали и гасли, пульсировали потусторонним светом. Вслед за ними появились и другие обитатели леса; они казались полупрозрачными и размытыми в неверном свете огоньков. Эти создания могли быть только плодом больного воображения: нелепые, страшные, гротескные, похожие на монстров с картин Иеронима Босха, чересчур яркие или почти бесплотные — они вышли из чащи леса и вереницей устремились вслед за огоньками. От их безмолвной процессии веяло тоской: словно потерянные дети, они брели куда-то без надежды отыскать дорогу домой. Существ ничего не интересовало. Они угрюмо пересекли проезжую часть в паре метров от машины и скрылись в лесу по ту сторону дороги.

Я смог перевести дыхание, лишь когда загадочный бестиарий растворился в сумраке утра. Джо по-прежнему безмятежно спал, а меня от страха начало лихорадить. Я пересел за руль и трясущимися руками повернул ключ зажигания. А потом рванул с места и поехал прочь от проклятого леса.

Через пару дней я вернулся домой, в Лондон.

Тогда я еще не осознавал, что увидел часть истинного мира. Такого, какой он есть. Без фильтров.

А Джо остался в Америке. Нашел там какую-то работу вроде бы. После этого путешествия мы перестали общаться. Думаю, виноват был я: чувствовал, что схожу с ума, и отгородился от всех своих родных и друзей. Именно в тот период

я поругался с родителями, завалил экзамены в университет и ударился во все тяжкие.

Я просто не мог принять тот факт, что видел этих тварей.

Естественно, я искал ответы. Изучил кучу форумов и сайтов, переписывался с «просветленными», даже исподтишка спрашивал совета у бабушки.

Но информации было чертовски мало, понимаете?

Я даже к психологу ходил. Думал, у меня и правда едет крыша.

Ничего подобного.

Со мной все было в полном порядке.

— Тебе надо заняться йогой, — тоном опытного эксперта изрекла Нонна, — снять напряжение. Наверняка перенервничал на этих ужасных переговорах, — она взяла чашку обеими руками и поболтала в ней чай, — и ложись спать пораньше.

Неплохая идея! Меня и правда клонило в сон, хотя было около восьми часов вечера.

— Согласен с тобой, — допив чай, я поднялся, обнял бабушку и поцеловал ее в щеку, — пойду приступлю сразу ко второму пункту плана — лягу спать.

— Правильно, — она взъерошила мне волосы, а потом ощутимо похлопала по спине. — Когда Норберт вернется, не знаешь? Он что-то не звонит.

— У него встреча, наверное, занят, — я сполоснул чашку водой из-под крана и поплелся на выход.

— А, ну хорошо. Надо в гостиной проветрить, что ли...

Я поднялся на второй этаж, толкнул дверь в библиотеку. Я спал в библиотеке. Эта комната всегда казалась мне самой уютной и безопасной.

Вдоль стен располагались огромные книжные стеллажи, доверху забитые книгами. На полках были расставлены модели космических кораблей, шаттлов, луноходов, а под люстрой висел мобиль в виде макета солнечной системы. На двери болтался плакат с Доктором Кто.

Мой диван пристроился под стеллажом, забитым научной фантастикой вперемешку с энциклопедиями и книгами о животных. Все никак не доходили руки навести здесь порядок. Мне нравился этот книжный хаос. Среди книг я чувствовал себя очень спокойно.

Я быстро разделся, натянул домашнюю футболку и залез под одеяло. Долго наблюдал за тем, как раскачивается мобиль под потолком.

Из головы почему-то не шла девушка с испуганным взглядом. Она напомнила мне о днях, когда я только пытался осознать случившееся в орегонском лесу.

Если она столкнулась с чем-то подобным — что ж, я ей искренне сочувствую.

Какие там выделяют стадии принятия неизбежного? Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие? Очень надеюсь, что ей все же не придется их проходить.

И да пребудет с ней Сила, честное слово.

3. Андела

В этом году инсталляцию Брюса Манро разместили на площади перед собором святого Джайлса. «Поле света» из тысяч акриловых трубок, похожих на стеклянные одуванчики, светилось и мерцало всеми оттенками неона.

Зачарованный в центре города. Я представляла, как феи порхают над ажурными сводами собора святого Джайлса. Соскальзывают с неоновых бутонов и устремляются ввысь, исчезая среди мрачных гранитных домов Королевской мили.

Мысленно я уже была там, у собора. Но приходилось сидеть вместе с Тейтом и его коллегами, невольно вникая в детали их работы.

— Мы проводим финальный этап испытаний, — голос профессора Флауэrsa вернул меня к реальности, — завтра сами все увидите в лаборатории.

Энергии этого пожилого джентльмена с лихвой хватило бы, чтобы запустить как минимум десяток «Виаторов».

— Отлично. Как вы оцениваете возможности по транспортировке? Совет директоров хочет, чтобы мы участвовали в крупнейших выставках — Ганновер Мессе, Ле Бурже, Фарнборо... — начал Тейт.

— Сомнительное предложение, — перебил его Холден. Этот тип производил очень странное впечатление, причем скорее неприятное. Взъерошенные светло-рыжие волосы,

бледная, усыпанная веснушками кожа, безумные льдисто-голубые глаза, острые скулы, большой некрасивый рот. Его движения казались резкими и дергаными, как будто он плохо владел собственным телом и не понимал, как располагаться в пространстве. — Вы представляете себе расходы на транспортировку?!

— Эридан, это не мое решение, а в первую очередь вашего отца и остальных членов совета директоров. Они ставят рекламу превыше всего. Проект международный и стратегически важный, — Тейт развел руками, — учредители хотят видеть, куда уходят их деньги.

Мистер Флауэрс раздраженно фыркнул.

— Посмотрим, что можно сделать. Вы готовы заняться логистикой? У нас в штате таких сотрудников нет. То есть мы занимаемся непосредственно наукой, если вы понимаете, о чем я... — прохладно заметил профессор.

Он задумчиво потер седую бородку, словно вопрос логистики был одной из неразрешимых проблем мироздания.

— Да, я здесь как раз по этой причине, нести науку в массы, — не сказать, что Тейт был доволен отведенной ему ролью.

Господи, какая скукота. Этот разговор казался бесконечным — они гоняли по кругу одну и ту же мысль. Профессор Флауэрс пытался самоутвердиться за счет рядового менеджера, а Холден переживал исключительно за аппарат.

Как же хотелось поскорее сбежать к «Полю света». Тейт

тоже утомился и бросал на меня взгляды, полные вселенской тоски и отчаяния.

— Ну, предлагаю встретиться завтра у нас на кафедре часов в девять и оценить масштабы бедствия, — к моему удивлению, эта здравая мысль принадлежала Холдену. — Вынужден вас покинуть, — он улыбнулся. Ну, хоть улыбка у него была обаятельная. Только меня все не покидало ощущение подвоха. Холден, похоже, ужасно спешил поскорее смыться (в этом я его поддерживала). Профессор Флауэрс тоже не стал настаивать на дальнейшем заседании в пабе.

Мы собрались, обменялись дежурными любезностями и наконец разошлись каждый по своим делам.

Мы с Тейтом прибавили шагу и устремились на Королевскую милю. Хотелось размяться и подышать свежим воздухом. И поговорить о чем-нибудь, кроме работы.

— Они меня утомили, — пожаловался Тейт, — с учеными всегда тяжело, куча гонора и полная оторванность от жизни.

— Этот Холден нас практически спас, — признала я.

— Да. Вроде бы неплохой парень. Станный немного, но с кем не бывает. Пойдем к собору Джайлса? А потом уже в отель.

— Я уж думала, ты не предложишь! Ужасно хочу пофоткать поле света.

Площадь перед собором мерцала всеми оттенками сиреневого и лилового, мягко переливаясь в более холодные голубоватые блики. От этого зрелища у меня перехватило ды-

хание. Готический собор утопал в сиянии и выглядел волшебным замком королевы фей. Люди бродили среди неоновых цветов и фотографировались на фоне.

Я сняла пару кадров на телефон и вдруг снова подумала о монстрах из Нилс Ярд. А если тут тоже обитает... нечто? Тревога тошнотой подкатила к горлу.

Мы сели на ступеньки собора, Тейт обнял меня за плечи.

— Слушай, ты же вчера искал информацию? Ну ты понял, о чем, — слова сорвались с губ помимо моей воли.

— Да, а ты сомневалась? — усмехнулся Тейт. — Нашел пару тредов на реддите и еще всякие форумы. Там пишут про Пограничные зоны и выкладывают всякие жуткие фотки. У них даже свой паблик есть, *subway_angels*. Хотя все это похоже на вариации на тему SCP Foundation и прочие городские крипипасты.

— И что там?

Тейт окинул меня внимательным взглядом.

— Энди, ты уверена, что хочешь знать? Не уснешь ведь сегодня, — мягко улыбнулся он.

— Хочу, расскажи, — я поморщилась.

— Ну, там фотки типа из Пограничных зон и рисунки всякой хтони. Выглядит глупо, — Тейт обнял колени руками, — но, честно говоря, у меня по спине мурашки так и бегали.

— Что за Пограничные зоны?

— На реддите так называют пространства, где ткань между реальностями очень тонкая. В этих местах параллельные

миры смешиваются и перетекают друг в друга. Напоминает слои в фотошопе: вот есть один слой, а за ним скрываются еще несколько.

— Или как «Квадрат Малевича», — пробормотала я. — Ну, там под квадратом нашли еще одну картину, которую художник решил закрасить.

— Если я правильно понял — да, нечто в этом роде, — кивнул Тейт, — в любом случае, я бы не стал воспринимать все слишком серьезно.

— Но ты же видел фотографию и знаешь, что она настоящая, — произнесла я. Почему-то говорить об этом здесь, в центре Эдинбурга, среди людей и огней инсталляции «Поле света» было совсем не страшно.

— Я же говорил, иногда людям удастся сфотографировать призраков. Почему нет? Вполне может быть. Давай отдадим фотку в фотолaborаторию, узнаем мнение со стороны, — предложил Тейт.

Я кивнула.

Но что, если люди из сообщества subway_angels правы и этот мир — совсем не то, чем кажется? Вдруг это не просто очередная крипипаста?

— Совы не то, чем кажутся, — Тейт словно прочитал мои мысли и процитировал фразу из «Твин Пикса», — и на самом деле они не совы, а сово-зомби! — Тейт поднялся, сгреб меня в охапку, прижимая к себе. Я рассмеялась и попыталась вырваться. Ничего не вышло. Тейт наклонился и поцеловал

меня — быстро, но очень нежно.

На следующий день я отправилась бродить по городу. Мне не хотелось ничего фотографировать, искать, как обычно, интересные места и ракурсы. Все это вдруг утратило привлекательность и вызывало только смутное ощущение тревоги. Поэтому я исследовала сувенирные магазины, развалы с винтажной одеждой и без конца пила кофе. Купила флакончик духов, серьги в виде пацификов и маленькую плюшевую сову. Ненадолго, но почувствовала себя чуточку лучше.

Тейт не звонил и не писал — видимо, совсем увяз в работе. Мне было тоскливо; хотелось домой. А еще поговорить с мамой. Последнее время я редко ей звонила. Поддавшись порыву, я написала маме и даже отправила парочку унылых селфи.

Некоторое время я провела, изучая ассортимент книжных магазинов. На одной из прилегающих к Королевской миле улиц толпился народ, я сначала не поняла, в чем дело. В отдалении я заметила несколько полицейских машин. Взмыленные патрульные пытались отогнать подальше журналистов с фотоаппаратами.

Откуда-то потянуло ощущением отчаяния и тьмы; я прибавила шаг. Наверняка место преступления или аварии, даром собралась такая толпа зевак, полицейских и журналистов.

Я быстро прошла мимо толпы, свернула в первый попавшийся переулок. На глаза мне попала вывеска паба Royal

Mile Tavern. Я решила зайти.

Внутри было тихо и пахло жареной картошкой. Бармен и двое официантов смотрели новости по телевизору.

— Сегодня в 14:00 Джефффри-стрит было обнаружено тело четвертой жертвы Наблюдателя, — взволнованно сообщила корреспондент, — на месте преступления работает полиция. По предварительным данным, убитая — двадцатипятилетняя Ванесса Уайт, сотрудница крупной технологической компании...

— Не хочу отвлекать вас, ребята, но мне бы пинту Скоттиш стаута, — я подошла к барной стойке.

— Хороший выбор, милая, — пухленький бармен принялся наполнять стакан, — видала, какая жуть происходит? — он кивнул на экран телевизора. — Совсем рядом с нами.

— Только что там проходила.

— Да ладно? — один из официантов уставился на меня во все глаза, — а вам удалось увидеть труп?

— Я как-то и не пыталась, — сухо ответила я, — сбежала оттуда как можно скорее!

— Ну интересно же! — возбужденно продолжил официант, как будто речь шла о новой серии его любимого детективного сериала. — Наблюдатель зачем-то вырезает жертвам глаза, а потом душит их. Но существует теория, что Наблюдатель всегда убивает двоих, только вот непонятно, куда исчезает второе тело...

— Заткнись, Эд, — оборвал официанта бармен, — никто

не хочет слушать твои фанатские вопли по этому маньяку.

Эд насупился и с мрачным видом повернулся к экрану.

— Кошмар какой, — выдохнула я.

— Да, последнее время у нас тут беспокойно, — задумчиво произнес бармен, — картошечки желаешь?

— Нет, спасибо, обойдусь стаутом, — натянуто улыбнулась я. Потом заплатила за пиво и ушла вглубь бара, подальше от новостей и того странного фаната тру-крайма.

Я устроилась за столиком у окна.

Декорации сменились пугающе резко. Я больше не слышала звук работающего телевизора и разговоров посетителей. Меня накрыло равнодушной и обволакивающей тишиной. Как будто я заснула и резко проснулась... во сне.

Открыв глаза, я увидела комнату в заброшенном здании. Выложенные белым кафелем стены покрывал толстый слой черно-зеленой плесени. Земляной пол был усыпан осколками, использованными шприцами и полусгнившими бинтами. Мерно капала вода — кап-кап-кап; от этого звука по спине бежали мурашки.

За мной наблюдали.

Я заметила огромное снежно-белое существо; его янтарные глаза-плошки горели, напоминая о полузабытых кошмарах.

С огромным трудом я заставила себя вернуться к реальности. Знаете, как бывает во сне? Ты осознаешь, что спишь, и приказываешь сам себе — «проснись! Это всего лишь сон».

Я попыталась сконцентрироваться на настоящем: телефон в кармане куртки, шарф, который я забрала у Тейта, игрушечная сова в рюкзаке. От шока мысли вдруг сделались резкими, кристально чистыми и логичными.

Эта комната и паб — одно и то же место. Реальность здесь многослойна и изменчива, и этот мир — совсем не такой, каким кажется.

Существо сделало пару шагов в мою сторону. Оно напоминало кота с гигантскими суставчатыми конечностями и оскаленной пастью, полной мелких игольчатых зубов. Тварь уселась напротив меня, вальяжно потянулась. Словно меня тут и не было вовсе.

Сглотнув, я повторила про себя как мантру: телефон, шарф, сова, рюкзак. Недопитое пиво.

Поймала взгляд существа. Оно равнодушно уставилось на меня, моргнуло, а потом прикрыло янтарно-желтые глаза.

В эту же секунду меня резко выдернуло обратно.

Бармен включил бодрый фолк-рок, и мне захотелось запустить в него стаканом. Более чудовищного саундтрека я и представить себе не могла.

Меня трясло. Дрожащими пальцами я вцепилась в свой рюкзак, кое-как сползла со стула и выскочила на улицу. Кажется, бармен что-то крикнул мне вслед, но я уже не слышала его слов.

Я сорвалась с места и побежала. Бежала-бежала-бежала вперед, чувствуя, как глаза жжет от подступающих слез. Я

почти ничего не видела, главное было — бежать.

Не помню, сколько времени прошло, пока я наконец не остановилась. Я понятия не имела, куда меня занесло, но главное, что улица была людной и оживленной. С трудом перевела дыхание.

На глаза мне попала какая-то кофейня, и я зашла внутрь, лихорадочно вытирая глаза.

Тут было тепло и уютно. Посетители громко болтали на разных языках — так привычно и знакомо, словно я оказалась в самом центре Сохо. Я забилась в угол, достала телефон и подключилась к вай-фаю. Паника отступила. Теперь мне нужны были ответы.

Я нашла аккаунт subway_angels и принялась листать.

Фотографии расплывались, а потом обретали резкость. На них проявлялись новые детали, поначалу невидимые. Перегоревшие фонари, разбитые окна, заколоченные двери и заброшенные дома. Темные арки, в которых скрывались тысячеглазые монстры и рогатые создания. Ветхие здания с жуткими провалами окон. Снежно-белые твари дремали на ступенях памятников, а сквозь завесу дождя проступали силуэты призраков...

Я почти не удивилась, когда наткнулась на фотографию из бара Royal Mile Tavern: на ней интерьер заведения причудливым образом перетекал в обстановку заброшенной комнаты с земляным полом.

#thevergezone,

#beware,

#royalmiletavernzone,

#subwayangels #ангелыподземки

Под тегом #subwayangels я обнаружила фотографии бело-снежных тварей.

4. Холден

Я бросил пару монет в вендинговый автомат и получил наконец пакет мармеладных мишек.

Это был бесконечно долгий день: слишком много информации, да и новость о смерти Ванессы никак не могла уложиться у меня в голове.

Я достал пакетик из автомата, прислонился к стене и закрыл глаза. Голова немного кружилась; надо бы поехать домой, но я хотел напоследок проверить «Виатор». Весь день мы с Тейтом чуть ли не хороводы водили вокруг аппарата, пытаясь придумать оптимальные способы транспортировки.

О«Хара ушел полчаса назад: ему позвонила жена и попросила срочно приехать. Я не понял, что именно случилось, но, судя по скорости, с которой коллега сорвался с места, произошло нечто неприятное.

Что же за день сегодня такой.

Я сполз по стене вниз и уселся на полу рядом с автоматом. Его мерное гудение меня успокаивало; из электронных недр доносилась легкая, ненавязчивая вибрация.

В офисе все обсуждали смерть Ванессы; мистер Флауэрс даже уехал в полицию, а я считал часы до конца рабочего дня, когда я смогу подключиться к марсоходу и отладить некоторые функции.

— Холден? — обеспокоенный голос Нади заставил меня

вздрогнуть. Я открыл глаза и увидел доктора Рихтер. Она стояла, чуть ссутулившись, засунув руки в карманы белого халата. — Ты в порядке?

— Не знаю, — честно ответил я.

Надя едва заметно усмехнулась и нервно убрала за ухо прядь длинных светлых волос.

— Может, чаю? У нас на кафедре гораздо уютнее, чем здесь, — предложила она.

— Почему бы и нет. Я как раз мишек купил, — я показал ей пакет с мармеладками и с трудом поднялся.

— Ну, пошли, — размашистым шагом Надя устремилась вперед, к вотчине биологического факультета. Я послушно последовал за ней. Видимо, наши отношения теперь всегда будут такими — надтреснутыми, надломленными из-за горькой неловкости.

Надя была на восемь лет старше: она защитила докторскую, а ее сын уже поступал в колледж.

Мы познакомились на какой-то конференции. Долго дружили. проводили вместе много времени. Все изменилось два месяца назад, когда Надя приехала ко мне, взлохмаченная и зареванная, уставшая от рутины и семейной жизни.

Мы поехали в паб и ужасно напились. Надя все повторяла «как жаль, что мы так поздно встретились», а потом я целовал ее в полутемном коридоре клуба, а она отвечала мне — жадно и страстно.

Только звонок сына заставил Надю опомниться. Нико-

гда не забуду, как она в спешке надела свой длинный черный плащ и, набросив на плечо рюкзак, нетвердой походкой устремилась к выходу. Я хотел проводить ее, но Надя обернулась и покачала головой.

«Ничего не выйдет, Холден, все слишком сложно», — вот о чем говорил ее взгляд.

Мы остались друзьями, стерли из памяти тот вечер. Но каждый раз, когда я видел ее, то невольно задавался вопросом — действительно, а почему же так поздно?

Надя отвела меня в один из кабинетов на кафедре. Обстановка была соответствующая: на полках — банки с заспиртованными животными разной степени мерзости, собранные модели скелетов, чучела и микроскопы. Всю дальнюю стену занимала техника — спектрометры, электронные микроскопы, центрифуги и приборы для проведения ДНК-тестов.

Надя отыскала в шкафу свободные мензурки и заварила чай с молоком. Отсутствие нормальных чашек у биологов всегда меня веселило — пить чай из мензурки было не так скучно. Надя протянула мне импровизированный стакан, а сама села на стул рядом с чучелом Додо. Подумала пару секунд и сказала:

— Знаешь, на этой неделе у меня было ощущение, что я схожу с ума.

Я вопросительно изогнул бровь:

— Интересный заход.

— Произошел случай с легким оттенком криптозоологии,

— драматическим шепотом сказала Надя, — ко мне попали образцы ДНК неизвестной науке твари. Как они ко мне попали — тот еще вопрос, по почте прислал некий доброжелатель. Ну, естественно, я не удержалась и решила проверить.

Надя ненадолго замолчала, выпила чаю, а потом продолжила:

— В общем, я выявила у этого существа поразительную устойчивость к радиации. Словно оно родилось на дне термоядерного реактора. А в структуре ДНК нашлись схожие признаки с ДНК человека, приматов-полуобезьян и кошачьих.

— Кото-лемуро-человек. Какая прелесть, — резюмировал я и сделал глоток из стакана.

— Я серьезно! То есть, я правда не выдумываю! Я жутко испугалась. Потом решила, что, наверное, переработала и весь этот бред мне приснился. Но вчера в мой офис кто-то вломился и вынес все подчистую. Результаты тестов тоже пропали. Остался только конверт с надписью «Смотри, не отводи взгляд».

Надя нервно повертела мензурку в руках.

— Так, я надеюсь, ты позвонила копам? — мой голос дрогнул от волнения.

— Нет, я так перепугалась, что не стала никому говорить, — смущенно отозвалась Надя.

— Черт, надо бы заглянуть в участок и все рассказать. Еще Ванесса... говорят, ее убил Наблюдатель. А полиция до

сих пор не понимает, по какому принципу маньяк выбирает своих жертв!

— Я даже не догадалась связать два этих события воедино. Ты думаешь, они могут быть связаны?! Вот черт, — Надя закусила губу, — совсем не соображаю, — она запустила пальцы в волосы.

— Понятия не имею, связаны эти происшествия или нет, но в твой офис вломились и стащили важные документы. И, кстати, у тебя что, нет сигнализации?

Надя развела руками.

— Давай позвоним. Вместе, — предложил я.

Со вздохом Надя взяла телефон и позвонила в полицию. Минут десять она рассказывала о случившемся.

— Тебя подвезти? — спросил я, когда она договорила.

— Да все нормально, сама доберусь. Спасибо, Холден, — Надя улыбнулась и быстро обняла меня, — в полиции сказали не затягивать и сразу ехать к ним.

— Ладно. А завтра не забудь попросить у начальства провести сигнализацию.

Она быстро собрала вещи, надела свое неизменное черное пальто. Мы вышли из кабинета; Надя закрыла дверь на ключ.

— Я могу пока поискать информацию об этих тварях. Кажется, наткнулся в сети на нечто подобное.

— Правда?

— Ага.

— Ну, хм, было бы здорово! — голос ее звучал сбивчиво

и торопливо. — Спасибо за помощь и за понимание — как всегда.

Она словно хотела сбежать как можно быстрее. Надя поделилась со мной наболевшим — как в старые добрые времена, и теперь мучительно сожалела об этом.

— Не за что. Береги себя. И со связи не пропадай, — готов поспорить, улыбка у меня вышла тусклая и неискренняя.

Надя быстро поцеловала меня в щеку и унеслась своей размашистой походкой. Я долго стоял, прислушиваясь к стуку ее каблучков по паркету.

Мне было тоскливо. А еще я забыл в кабинете у Нади пакетик мармеладных мишек.

Ну и ладно. Я вернулся к автомату, купил новую порцию. Сунул в карман халата и пошел обратно в офис.

Я опять засиделся на работе до поздней ночи. Просто не хотелось домой, и все. Там было тихо и уныло, а в пустынном офисе эта тишина и тоска ощущались совершенно иначе.

Стих шум, суета исчезла, офис погрузился в сонное оцепенение. Мерно гудели компьютеры, в приглушенном свете углы казались темными и пугающими, а на стены ложились причудливые тени от многочисленных приборов. По включенным мониторам неспешно бежали символы. Дождь барабанил по стеклам полуподвального помещения лаборатории, дополняя причудливую симфонию пустынного офиса.

Я сделал себе кофе: сладкий, почти приторный, с густой молочной пенкой. Ужасная гадость, но мне так нравился этот

вкус.

Я сел за свой стол, развалился в кресле, вытянув ноги.

Ночь казалась иллюзорной и неоновой-яркой.

Что-то должно было произойти, я чувствовал это, кровь стучала в висках, звуча сумасшедшей ритм-секцией баса и барабанов. Ощущение предчувствия стало нестерпимым. Головокружение тоже.

А потом я услышал отвратительный скрежещущий звук, словно нечто царапало стекло острыми когтями.

По спине побежали мурашки. Звук повторился; вместе с ним ко мне вернулось чувство реальности. Я выпрямился на стуле. Было так тихо, что я мог слышать свое собственное дыхание. Страха я не чувствовал.

Я вздохнул, смиряясь с неизбежным. А потом заставил себя повернуться к окну.

Покрытое густым белоснежным мехом существо сидело на подоконнике и таращилось на меня своими пустыми водянистыми глазами. Тварь подняла длинную тонкую лапу и еще раз царапнула по стеклу когтем, словно желая напомнить о своем присутствии.

Я не знаю, зачем я подошел к окну и открыл его. В помещение сразу же ворвался свежий ночной воздух, запах осени и дождя.

Снежно-белая тварь протянула лапу. Повинуясь внезапному порыву, я коснулся ее влажного, промокшего под дождем меха.

Существо внимательно смотрело на меня. Я вспомнил о Наде, о загадочном доброжелателе, который прислал ей образцы крови таинственного существа. Возможно, сейчас именно оно глядело на меня из темноты осенней ночи.

Кем бы ни был этот «доброжелатель», он видел истинный мир и существ, обитавших в нем. Он хотел донести до Нади мысль, что биологических видов в мире гораздо больше, чем она привыкла считать.

Оставался единственный вопрос: «зачем»?

Белоснежное создание моргнуло, а потом, сорвавшись с места, скользнуло обратно во тьму.

Intermezzo, parte prima

Нефас говорит с ним.

Свет, просачиваясь сквозь витражные окна, заливают огромный зал радужным сиянием, рассыпается по стенам Дворца дождей мерцающими бликами.

Нефас говорит с ним.

Чумной Доктор слышит голос своего творения: огромной установки из черного металла. Она похожа на пушку с тысячей жерл, орган из застывшего пламени; монстра, рожденного от слияния науки и магии.

Доктор стоит, упираясь лбом в холодную поверхность машины и пытается различить последние слова запертой в Нефасе сущности.

У него есть пара минут, пока карнавал не начнется. Созданное Доктором оружие положит конец войне, но у него так мало времени, чтобы просто...

Попрощаться.

— Хартлин, прости меня, — шепчет Доктор Чумы, — у меня не было выбора, ты же знаешь.

Какая теперь разница?

Доктор Чумы осознает, что слова Хартлин будут преследовать его до самой смерти. Поэтому он просто слушает, и ее почти неразличимый голос рассказывает историю.

Завтра я проснусь, и все исчезнет. Не будет игл, что вго-

няли мне под кожу, не давая спать и не давая умереть, не будет слепящего света ущербной луны, холода летней ночи и мрачной красоты осенних вечеров. Когда над мертвыми дворцами Мар ди Силенцио взойдет бледно-золотое солнце, все закончится.

Я проснусь, и вместо черно-белого сна, когда-то бывшего моей жизнью, я наконец-то увижу янтарное пламя рассвета.

Несуществующие красные линии на моих запястьях, с пальцев капает прозрачная кровь.

Я все еще жива и я буду жить, пока в Монохромном мире тикают часы. Я буду жить еще целую вечность, пока они мерно тикают...

...с обеих сторон.

Каждые по-своему

Тик-так

Так-тик

Я знаю, что никто не придет за мной.

Никто не разбудит меня поцелуем.

Я проснусь сама. Я уже проснулась.

Терновник рвала голыми руками, продираясь сквозь заросли, которые скрыли мой дом от обманчивой пустоты внешнего мира.

Где ты, мой мертвый принц, где ты был, когда Королева проиграла партию в шахматы своему Шуту, и он, примерив терновый венец Королевы, стал олицетворением мудрости?

О, где же ты был, когда я так нуждалась в твоём исцеляющем поцелуе?

Я сильнее тебя, видишь?

Я сильнее тех, кто приходил в мою комнату над бездной, желая насладиться видом на Бесконечность и сыграть в карты со спящей актрисой театра Дель Арте, заточенной в башне из ее же иллюзий и несбывшихся желаний.

Кто я?

Коломбина, Арлекин, Пьеро?

Ни одна из них.

Из чьих костюмов шито мое давно истлевшее платье, чьи глаза равнодушно смотрят на мир из-под длинных ресниц? И чье сердце бьется в груди, истерзанной старческим кашлем?

Я — Многоликая Чума, и это ты меня создал.

Докажи мне, что ты сильнее меня — и я встречу тебя у входа в зачарованный замок. Я пройду сквозь терновник, изорвавший мое платье, изрезавший мое тело.

Видишь, сколько ирамов? Ты будешь любить их все... Каждый из их.

Я буду твоей

Когда выберусь отсюда.

Мне кажется, что я заново учусь дышать. Глотая отравленный воздух Монохромного мира, я чувствую себя бесконечно живой и бесконечно свободной.

Робкое солнце осторожно покрывает позолотой шпиль

соборов, башен, крыши домов и брусчатку мостовых, придавая городу непривычную яркость.

Я наблюдаю за тем, как медленно по улицам ступает утро, и понимаю, что когда-нибудь мне удастся осуществить задуманное.

Однажды я смогу проснуться.

Доктор Чумы отходит от Нефаса, с горечью понимая одну вещь — нет, она не сможет. Она уже никогда не проснется и не станет Хартлин.

Теперь это Нефас. Идеальная машина для убийства, и именно он сделал ее такой.

5. Иван

— Хватит отдыхать. Начинается, — Дима ткнул меня в плечо и быстрым шагом направился к выходу. Я вздрогнул, пытаясь стряхнуть с себя сонное оцепенение. Поднялся со стула, схватил камеру и последовал за ним. Истертые половицы горестно скрипнули. Я вышел на крыльцо и окинул взглядом поляну. Нас окружал лес: высокие корабельные сосны, чьи косматые верхушки терялись в туманном мараеве. Видимость была почти нулевая — туман, ничего, кроме тумана. Я поежился. Такая погода была характерна для поздней осени, но никак не для сентября. Впрочем, теперь погодные аномалии стали нормой и никого не удивляли — особенно нас, сотрудников Клементинума.

— Рано еще, — пробурчал я, кутаясь в потрепанную джинсовку, — минут через пятнадцать выползут.

Дима, который все это время переминался с ноги на ногу, обернулся и бросил на меня раздраженный взгляд:

— Не хочу нарваться на сюрпризы. Как ты вообще можешь спать, не понимаю, — прибавил он.

Я пожал плечами. Из памяти все еще не выветрился сон о Докторе Чумы, как две капли воды похожем на меня самого. Мне часто снились подобные сны. Они напоминали эпизоды фантастического сериала, записанные на пленку воспоминаний, хроники жизни моего загадочного двойника. Сны были

всегда о Монохромном мире (что, в общем-то, неудивительно, учитывая специфику моей работы).

Дима занял наблюдательный пост на полу веранды; включил ноутбук и установленные там приборы для замера колебаний геомагнитного фона и атмосферы. Я расположился напротив него, достал фотоаппарат.

Представление должно было вот-вот начаться.

На кончике языка появился неприятный привкус металла и гари. Воздух загустел, став тяжелым и влажным. Потянуло запахом озона.

— Поехали, — выдохнул Дима и уставился в монитор компьютера.

Я, не отрываясь, смотрел на кромку леса. Среди деревьев вспыхнул огонек, похожий на шаровую молнию. Он начал разрастаться, постепенно принимая очертания человекообразного существа. За ним последовали еще и еще.

Вереница светящихся существ потянулась из леса к поляне: они легко ступали по пожухлой траве, приближаясь к дому, на веранде которого мы устроили свой наблюдательный пост.

Существа создавали хоровод, сплетаясь тонкими серебристыми ручками; скользили в танце, поддаваясь магии музыки, недоступной слуху людей.

Зрелище было завораживающим и в то же время жутким.

Облизав пересохшие губы, щелкнул затвором камеры. Пленка покажет многое: и существ, и края Пограничной зо-

ны. В штабе они сравнят их со старыми фотографиями и поймут, насколько границы раздвинулись, как далеко зона проникла в лес. Увидят еще несколько слоев реальности и тварей, которые пришли вместе со светящимися феями, но остались невидимыми.

Феи танцевали под серым сентябрьским небом и его тяжелыми грозовыми тучами. Купались в утреннем тумане, рассеянном солнечном свете. Зачем они здесь? Я столько раз задавался этим вопросом. Но никто бы мне не ответил: ни Дима со своими сверхмощными приборами, ни Сорренто, ни штатные предсказатели.

Через пару минут светящиеся создания устремились обратно в лес. Существа повторяли свой странный ритуал раз в три месяца; сотрудники Клементинума обязаны были присутствовать и проверять динамику развития Пограничной зоны.

— Скоро заползут в дом. Как думаешь, почему они до сих пор сюда не влезли? — спросил Дима, сохраняя показания приборов.

— Здесь обитает нечто жуткое, — отозвался я, — оно не пускает фей на свою территорию. Какой-то дух леса или еще что... Поэтому мы всегда наблюдаем с веранды. К людям эта тварь привыкла, а вот фей из другого мира не жалуется.

Дима хмыкнул.

— Чудесно. На сегодня с меня хватит, пожалуй.

Сложно поспорить. Я вернулся в стильную гостиную, со-

брал рюкзак. В кармане завибрировал телефон, и я замер, чтобы прочитать сообщение.

— Шеф приехал, — громко сообщил я, — на одиннадцать назначили совещание.

— Окей. Помоги-ка мне загрузить барахло в машину, а?

Мы быстро отнесли приборы в джип. Дима закрыл створку на замок, сел за руль. Я устроился на переднем сиденье.

— Завтракать? — Дима взглянул на меня, попытался изобразить на лице улыбку. Темные круги под глазами выдавали усталость и недосып, в уголках глаз уже появились морщинки.

— Поехали. Лишь бы подальше отсюда, — мне не хотелось ничего говорить, но нужно было заполнить тишину, разбавить жутковатое безмолвие этого места. Я потянулся к приемнику и включил радио.

Мы вырулили на проселочную дорогу и покатали вниз, к трассе Ялта-Севастополь. Я открыл окно. Начался дождь; крупные капли разбивались о лобовое стекло, пока мы мчались по трассе. Я миллионы раз видел эти пейзажи. Спокойное море, очертания гор, густой лес.

Я жил в стране фей, изолированный от остального мира, без возможности выбраться отсюда или сбежать. Вечный страж границ рассыпавшегося на осколки мира.

В девять утра мы уже сидели в кафе с видом на море и пытались съесть завтрак. Работа в Пограничной зоне выматывала.

вала, лишала сил — как моральных, так и физических. Я пил кофе, мечтая о долгом сне без сновидений. Дима с кем-то переписывался, отстранившись и уйдя в собственные мысли.

Я проверил телефон. Пару фотографий в моем паблике subway_angels завалили лайками. Всегда казалось странным, как можно нажимать сердечко под фотографиями Безликих, Тысячеглазых или ангелов подземки. Кому-то они кажутся милыми? Или люди просто восхищаются работой неведомых мастеров фотошопа? Ох, если бы все было так просто.

— Как думаешь, зачем приехал Сорренто? — мне надое-ло молчать. Хотелось добиться от Димы реакции, но коллега словно отгородился от меня стеной. Не сказать, что я сам был душой компании, но тишина уже начинала напрягать.

— Ммм? — Дима оторвался от телефона, задумчиво поскреб светлую бороду. — Сорренто? Не знаю, чего ему в Праге не сидится. Может, опять решил попробовать разобрать Нефас на винтики. Или наконец-то внял нашим мольбам о расширении штата. В поля давно пора отправлять новичков.

— Как будто много желающих работать с этим дерьмом, — я уныло подпер щеку рукой и поболтал кофе в стакане. — А я в том лесу с ребятами ролевки устраивал. Переодевались в хоббитов и эльфов, сражались на деревянных мечях, а вечером напивались у костра под баллады менестрелей.

Дима смерил меня ехидным взглядом.

— Да, сейчас-то все серьезно. Даже эльфы настоящие.

— Увы, — я закатил глаза, — верните мне мой 2007-й.
Дима бросил взгляд на часы.

— Пора выдвигаться.

Мы расплатились и поехали в офис.

Там царил паника — директор Клементинума уже при-
был, и сотрудники в срочном порядке пытались закрыть те-
кущие дела. Я проскользнул к рабочему месту, Дима лени-
вой походкой устремился к своему.

Почти сразу же мне позвонили.

— Синьор Маркин, пройдите, пожалуйста, в кабинет си-
ньора Сорренто. Он хотел бы поговорить с вами лично, — я
узнал голос ассистентки Александра Сорренто, Фьяметты.

— Сейчас подойду, — отозвался я, мысленно приготовив-
шись к самому худшему.

Дверь мне открыла Фьяметта — очень высокая и мрачная,
в строгом брючном костюме.

— Прошу вас, — ассистентка пригласила меня войти, —
будете кофе?

— Приветствую. Ага, если можно, — кивнул я.

Александр Сорренто стоял у окна, сложив руки на груди.

Фьяметта вышла, а директор Клементинума наконец
обернулся ко мне.

— Привет, Иван, — Сорренто улыбнулся мне тепло и ис-
кренне. Я приблизился, пожал начальнику руку.

— Здравствуйте, синьор. Удачно долетели?

— Неплохо, — кивнул Сорренто, — садись, пожалуйста.

Сорренто уселся в кресло, я занял стул напротив. Я чувствовал себя как на экзамене. Директор Клементинума казался обаятельным, дружелюбным джентльменом лет шестидесяти, в элегантном костюме и в очках. Однако в глазах его не читалось ничего, кроме холодной решимости и непоколебимой уверенности в себе. За улыбкой прятались насмешка и снисходительность. А еще от него исходило легкое, почти неразличимое ощущение опасности.

— Иван, в ближайшее время нам придется запускать проект «Монохром». Потребуется люди с самым сильным потенциалом.

— Вы про группу Масок? Самые сомнительные кандидаты, — возразил я. — Мы, конечно, можем подобрать кого-нибудь из базы для экспедиции в Монохромный мир, но, сами понимаете, эта перспектива никого не обрадует.

— Нам нужны именно Маски, — отрезал Сорренто, — остальные не смогут перейти границу, их сил будет недостаточно. Вот, взгляни, — он протянул мне папку.

Я быстро пролистал досье потенциальных кандидатов.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — я не удержался от скептического тона. — У Эридана зависимость от его способности, он относится к дару, как наркоман к героину. Мареш еще не открыла полностью свою силу. Про Флауэрс ничего сказать не могу: вроде бы показатели у него самые средние.

— Скоро все изменится, — туманно отозвался Сорренто,

— у них не останется выбора. К тому же, я уверен, ты сможешь уговорить молодых людей сотрудничать с нами и заняться оперативной работой.

— Я? Почему? Моя роль здесь — сторожить Нефас. Я плохо работаю с людьми, только с монстрами из Пограничных зон, — я криво улыбнулся. — И какими аргументами я должен убеждать Эридана, Мареш и Флауэрс? Клементинум им никак не помог. Оставался в стороне, когда мир сдвинулся с места; бездействовал, пока они пытались с этим смириться. Мы ничего не сделали, чтобы предотвратить смерти. — мне давно хотелось высказаться, и я воспользовался этой возможностью. — К тому же вы хотите, чтобы ребята приняли участие в самоубийственном проекте.

Александр Сорренто спокойно выслушал мою речь. Потом, сцепив пальцы в замок, произнес:

— Количество Пограничных зон увеличивается с каждым днем. Инцидентов все больше. В Штабе уверены, что скоро произойдет еще несколько. Поэтому там решили, что нужно срочно собрать экспедицию, пока мир окончательно не погрузился в хаос и не коллапсировал к черту, — услышав в спокойном голосе Сорренто эмоции, я удивился, — ты сам прекрасно об этом знаешь. Сейчас нет времени обсуждать, почему политики не заявили о работе Клементинума. Мы можем только действовать. Вспомни Стамбул. Часть города просто погрузилась во тьму, исчезла! Вместе с тысячами людей! Сколько еще подобных катастроф произойдет из-за

влияния Пограничных зон?

Я откинулся на стуле, посмотрел на Сорренто, склонив голову набок.

— Да без понятия. Мне интересно, почему об этом не подумали раньше. Как вообще мы дошли до жизни такой? — я грустно усмехнулся. — Восемьдесят лет абсолютно бессмысленной работы.

— Мы делали все, что могли, — Сорренто не стал спорить, — все, что требовала от нас ситуация.

Я рассеянно кивнул. Ну да, конечно.

Университет Клементинум основали восемьдесят лет назад, когда были найдены первые зоны Пограничья. Зоны находили по всему миру, их количество увеличивалось с каждым годом. Современная наука объяснения этому феномену найти не могла, зато различные экстрасенсы, маги, эзотерики и прочие «просветленные» в один голос твердили: зоны Пограничья находились на стыке двух миров, где ткань между реальностями была особенно тонкой.

Эта теория объясняла, откуда в зонах Пограничья появлялись и артефакты: загадочные механизмы, которые питались человеческой энергией, обломки летательных аппаратов из неведомых материалов, книги и карты неизвестных планет и миров, рассыпавшиеся в прах при малейшем прикосновении.

Существование Пограничных зон было засекречено правительствами всех стран, чтобы избежать паники и оградить

умы людей от шокирующей информации.

Первый Университет для изучения феномена открыли в Праге: там находилась одна из самых мощных Пограничных зон в Восточной Европе, поэтому выбор места основания дискуссий не вызвал. Клементинум получил свое название в честь старинной библиотеки в центре города.

Долгое время Клементинум оставался закрытым и засекреченным объектом, где трудились археологи, историки, лингвисты, физики, этнологи и другие ученые, которые пытались разгадать тайны Пограничных зон. Потом Университет трансформировался в международную общественную организацию.

Ученые были в панике. Реальность разрушалась. Реальность трещала по швам, и в зонах Пограничья швы почти разошлись. Сквозь прорехи из мира утекала энергия и жизненная сила.

И утекала она в Монохромный мир.

Его можно было бы назвать «параллельным» — только вот время там шло совсем иначе. Мир то исчезал с радаров, то вновь появлялся на мониторах черно-белой рябью — именно поэтому его и называли Монохромным. Ученые принимали радио- и видеосигналы, в зонах Пограничья техника становилась особенно чувствительной и регистрировала различные аномалии.

Ученые собирали кусочки головоломки, пытались выстроить их в логичное и понятное объяснение, но фактов ката-

строфически не хватало.

Все, что показывали приборы — умирающий мир, разрушенный войнами, разоренный, заброшенный, затянутый ядовитым туманом.

— Значит, вы хотите, чтобы я уговорил группу Масок сотрудничать с университетом и нанял их на работу.

Сорренто кивнул.

— Ты должен убедить их хотя бы прийти к нам в офис. Все они живут в Великобритании, это будет несложно. Отправишься в Шотландское отделение Клементинума. Я тебя познакомлю с руководителем, Амина Сингх — потрясающая женщина и великолепный специалист! Она давно наблюдает за Масками, именно она направила мне досье...

— С каждым придется проводить мотивационную беседу, — я перебил шефа и внимательно уставился на него.

— Если наши предсказатели не ошиблись, скоро к нам придет Мареш, — пожал плечами Сорренто. Я подумал, что начальник в этот момент напоминал злодея из комиксов, — просто будь начеку. Уже полдела. Ее ты легко убедишь.

— Придет? Она воспользуется своей способностью?

— Подробности я не знаю, — пожал плечами Сорренто. — Сам понимаешь, предсказатели — ненадежный источник информации. Но они полагают, что да, сила девушки активируется в ближайшее время.

— Понятно.

Вошла Фьяметта с двумя чашками кофе. Мне хотелось

поскорее покинуть кабинет шефа, но пришлось остаться — пить кофе и отвечать на никому не интересные вопросы о буднях Севастопольского отделения, здоровье моих родителей и количестве случаев, когда я использовал свою способность.

Кажется, Сорренто остался доволен услышанным. Через двадцать мучительных минут он наконец отпустил меня, пообещав в ближайшем будущем обсудить детали проекта.

Я с облегчением выскочил за дверь.

— Ну, как прошло? — без особого интереса спросил Дима, когда я вернулся.

Я взглянул на коллегу и ответил:

— Никак. Заставил заниматься подбором персонала, представляешь?

Дима закатил глаза.

— Надеюсь, тебе за это доплатят?

Я еле сдержался, чтобы не засмеяться ему в лицо.

Домой я вернулся только к обеду. Тучи разошлись, и снова стало припекать солнце. Я принял душ, выпил прохладного пива и устроился на диване с книгой, надеясь отвлечься от мыслей о работе и великих планах Сорренто.

Никогда не думал, что магия может настолько утомлять.

Я успел прочитать пару глав. За это время раздалось несколько звонков и пришла куча уведомлений о сообщениях, но я упорно их игнорировал. Когда зазвонил домашний, ответить все-таки пришлось.

— Ваня, привет! Нужна твоя помощь... Подежуришь в бастионе до вечерней смены? Мне нужно Сашку из садика забрать, она заболела, — Татьяна выпалила всю тираду единым потоком, пока я не успел опомниться, — там еще Антон будет, так что не заскучаешь.

— Привет. Ну, я сам только с дежурства вернулся, — попробовал возразить я.

— Все оперативники заняты. У Сашки температура под 39, в такую погоду! Выручишь? — Таня была непреклонна.

Делать нечего: в бастионе полагалось дежурить двум оперативникам.

— Ладно, не вопрос. Через час буду.

— Спасибо, друг. С меня пончики. И проверь телегу, — радостно ответила Татьяна.

— Ага, — я выключил трубку и с трагическим видом прикрыл глаза рукой.

Отличный вечер отличного дня.

Пришлось собираться. Я бросил в рюкзак книжку, планшет, переделся в удобную одежду и, не теряя времени, отправился в Михайловский бастион.

По дороге мне вспомнились слова Сорренто: «Скоро Мареш сама придет к нам». Что бы это могло означать? Судя по досье, Андела Мареш обладала силой Проводника, но способности ее пока не проявились. Бедная девочка. И ведь никак не поможешь ей, не предупредишь. Я решил добраться до Бастиона и поискать в социальных сетях ее профиль.

Оставалось надеяться, что она уже нашла мою страничку, и она хоть немного помогла ей разглядеть реальный мир.

6. Андела

Закрывшись в номере, мы с Тейтом пили. Я не могла плакать, зато могла поглощать виски с колой — и мне становилось легче. Я рассказывала Тейту о Пограничной зоне: запинаясь, сбиваясь, перескакивая с одного на другое. Показывала фотографии и пыталась убедить мужа, что не схожу с ума.

Кажется, он верил мне, делал все, чтобы меня успокоить, но я видела — Тейт до смерти перепуган моим состоянием. На его месте я бы тоже была в шоке.

Тот день я помню очень смутно: все слилось в бесконечный круговорот ужаса и отчаяния. От меня ничего не осталось. Только страх. Я больше не чувствовала себя собой.

Наверное, в такой ситуации логичнее всего было собраться и приступить к поискам ответов на вопросы, но... Меня с головой накрыло паникой и страхом перед действительностью. Я тонула, задыхалась и не хотела возвращаться обратно. Кажется, мне нравилось тонуть.

Тейт хотел позвонить моей маме. Я наотрез отказалась. К вечеру меня немного отпустило, я, не раздеваясь, заползла под одеяло и моментально заснула.

Что за этим последовало, сложно назвать приятным опытом. Казалось бы, куда уж хуже? Но фотография в Нилс Ярде запустила цепную реакцию, и вот моя жизнь рассыпалась и разваливалась на куски в ничтожно короткие сроки.

Сначала мне приснился сон. Мне всегда снились очень яркие, натуралистичные сны. Иногда я даже практиковала «осознанные сновидения», но это было чем-то простым и естественным, лишенным мистической подоплеки.

В том сне я перенеслась в заброшенный зал кинотеатра. Я не удивилась: я точно знала, что нахожусь во сне, и страха не испытывала.

Я сидела прогнувшем, почти развалившемся кресле. Стены покрывали куски облупившейся краски и кляксы плесени. От экрана шло слабое мерцание, и показывали там улицу, освещенную светом газовых фонарей; дома с темными квадратами окон; уходящие в туман трамвайные рельсы. Вдоль улицы росли каштаны, их листья колыхались от дуновения ветра.

Я подалась вперед, вцепилась в спинку кресла. Ветхая обивка оказалась влажной и пористой.

Картинка на экране оставалась неизменной. Все так же трепетали листья на деревьях, мигал потухающий фонарь, и сквозь тишину доносился далекий стук колес по трамвайным рельсам.

Я поднялась, не отрывая зачарованного взгляда от экрана, и спустилась вниз. На секунду замерла перед сценой, а потом поднялась к экрану и встала напротив него. Протянула руку вперед, чтобы потрогать белую ткань, убедиться, что улица по ту сторону — не более чем декорация из артхаусного фильма.

Но я не ощутила мягкой поверхности ткани; я коснулась воздуха. Никакого экрана не было и в помине.

Я очутилась в самом начале улицы. «Это сон», — решила я. Просто очень реалистичный, но другие сны мне и не снились. Я не ощутила опасности. Мне захотелось узнать, что же там, по ту сторону экрана. Пройтись вдоль трамвайных рельсов, вдохнуть свежий ночной воздух.

Я чувствовала себя Алисой или Люси Пэвенси из «Хроник Нарнии».

Я оказалась в сумрачной и неприветливой Праге из другого мира. Я узнавала и одновременно не узнавала свой родной город. Его улицы были пропитаны ощущением запустения и тоски.

Я настороженно рассматривала дома. Здесь смешались все стили от классицизма до ар-нуво, то и дело попадались средневековые постройки. Я вышла к Площади Республики и увидела одинокую Пороховую башню, которая возвышалась среди ветхих покосившихся домов.

Я двинулась к ней. Еще раз огляделась — в тусклом свете фонарей площадь и Пороховая башня выглядели зловеще. Меня влекло любопытство, которому я не могла сопротивляться. В конце концов, это был всего лишь сон. Что изменится, если я посмотрю?

Я толкнула дверь и зашла в пустынную, слабо освещенную караулку. Взяла свечу в подсвечнике и направилась к винтовой лестнице в углу комнаты.

Я ступала бесшумно, вдыхала запах древних камней и сырости. Добравшись до верхней площадки, я заметила, что оказалась в совершенно другом месте. Теперь я стояла в начале длинного коридора в крепости. Бойницы выходили на спокойные воды бухты, сквозь них в коридор лился яркий солнечный свет.

Пахло морем, прогретым на солнце песчаником, древесиной и книжной пылью. Вдоль стен располагались стеклянные витрины с экспонатами, образцы оружия, инсталляции, висели старинные флаги и карты. Музей военной истории, но какого же мира?

Я двинулась вперед по коридору и через некоторое время остановилась возле полукруглого эркера, в котором стояла огромная осадная установка. Блики солнечного света падали на гладкий черный чугун. Машина казалась совсем безобидной: всего лишь старый, сломанный музейный экспонат, покрытый легким слоем пыли. Конструкция представляла собой некое хаотическое переплетение пушек с зияющими черными жерлами, колес, шестеренок и рычагов. Я плохо разбиралась в оружии, но даже моих скудных знаний хватило, чтобы понять — машина не имела аналогов в моем родном мире.

А еще мне показалось, что я уже видела эту установку раньше.

— *Нефас*, — шепнула мне память, — *Многоликая Чума*.
Чтобы вспомнить, нужно лишь коснуться.

Я дотронулась до машины, провела пальцами по металлу.
— Как долго ты спала, древняя древность? Бррр.

Я попыталась отнять руку и не смогла. Меня захлестнуло раздражением и яростью. Я ничего не могла изменить, стала беспомощной в собственном сне! Ладонь словно прилипла к проклятой машине. Я выругалась на смеси чешского и русского.

Внезапно всю руку от ладони до плеча прошило резкой болью. Я вскрикнула и едва удержалась на ногах. Боль продолжала усиливаться, словно руку мне вскрывали и методично вынимали из нее кости. Что-то черное и маслянистое отделилось от древней установки, поползло по пальцам, оплетая их, потом переместилось на запястье, выше, выше.

Боль была нестерпимой, резала по живому, проникая в каждую клеточку тела и терзая меня. Помню, что пыталась потерять сознание, но нечто удерживало меня на поверхности, не давая погрузиться в спасительную темноту. Черная дрянь теперь светилась тускло-серым светом, окутывая мою многострадальную руку завораживающим сиянием.

Боль вдруг переместилась на спину, и я сдавленно застонала.

«Я хочу проснуться, пожалуйста, я хочу проснуться!» — твердила я себе, но ничего не происходило.

Боль не сулила мне ничего хорошего — либо я сойду с ума, либо умру. И я не была уверена, что в конкретной ситуации я бы предпочла.

Я рухнула на колени. На удивление, боль от удара о паркетный пол оказалась отрезвляющей. Я бросила взгляд на свою руку и...

Кто-то вцепился в мои плечи, резко дернул назад, оттащил от ужасной установки. Меня подняли на ноги и потащили прочь, но я уже не видела куда — боги оказались милосердными, и мое сознание погрузилось во тьму.

Какой странный сон... Сначала я решила, что мне снится сон во сне. Ну, вроде того фильма — «Начало», где хакеры сновидений пробирались в подсознание людей и совершали ограбления.

Когда я проснулась, то обнаружила себя не в номере отеля, а в совершенно ином месте.

В белой-белой комнате, залитой ярким солнечным светом, за письменным столом сидел очень хмурый молодой человек и задумчиво читал что-то с экрана планшета. Едва слышно жужжал старенький вентилятор, старательно разгоня затхлый больничный воздух, за окном шумели машины, а в соседнем кабинете шел очень эмоциональный спор. Молодой человек оторвался наконец от компьютера, снял очки и потер уставшие глаза.

Я лежала на жесткой кушетке, не чувствуя правой руки. Это мне не понравилось совершенно.

Молодой человек подошел ко мне, проверил пульс.

— Андела? Вы меня слышите? — спросил он сначала по-английски, а потом по-русски.

— Ne, prosím, nechte mě být na pokoji! — агрессивно отозвалась я.

— Андела, — повторил он.

Я скосила глаза на правую руку и не произнесла ни слова. Потому что слов не было. Боли, в общем-то, тоже.

Незнакомец в ожидании хоть какой-то реакции удивленно уставился на меня. Я по-прежнему молчала, не отрывая взгляда от руки.

— Андела, взгляните на меня, — потребовал молодой человек.

Но я не могла. Смотрела на свою руку, вернее на то, во что она превратилась. Кости словно вытянулись, стали длиннее, тоньше и легче, кожа почернела, сделалась грубой и жесткой. Пальцы теперь были длинными и суставчатыми и напоминали жутковатую птичью лапу.

— Это... что? — прохрипела я. — Что со мной?

— Я расскажу вам. Пожалуйста, посмотрите на меня.

Я с трудом подняла взгляд. Широко раскрытыми глазами смотрела на своего спасителя.

Мужчина лет тридцати, с темными вьющимися волосами. В его лице не угадывалось и намека на сострадание — лишь сосредоточенность и внимательность.

— Что с моей рукой? Где я? — русские слова насккивали друг на друга, мешались, и молодой человек не сразу понял, о чем я толкую. — Объясните мне.

Я резко села на кушетке, подтянула под себя ноги, прижа-

лась спиной к стене.

— Я ведь не сплю? — прибавила я.

Это было уже совсем не смешно. Станный, очень странный сон и ни разу не интересный.

Он отрицательно покачал головой.

— Я вытащил вас в последний момент, — сказал молодой человек.

— Я должна убедиться, что это не сон.

— Какие доказательства вам нужны?

— Я должна убедиться... У вас есть нож? Скальпель? Бритва? — мой голос дрожал. — Что-нибудь острое.

— Вы с ума сошли? — ужаснулся незнакомец.

— Не вам решать! — я проворно соскочила с кушетки и метнулась к шкафу с медикаментами. Нашла там шприц, разорвала упаковку и, не дав своему спасителю опомниться, всадила иглу в здоровую руку.

— Черт! — глаза моментально наполнились слезами. Боль была настоящей. Кровь — тоже.

Я не проснулась.

Все происходило на самом деле.

— Андела! — я чувствовала, как молодой человек обнимает меня за плечи. Слышала, что в комнату зашла медсестра. Ранку обработали и заклеили пластырем, заставили меня выпить успокоительное.

Сон не заканчивался; меня накрыло ужасным, чудовищным ощущением реальности происходящего.

— Все это должно было случиться, — тихо произнес молодой человек.

— А вы сильны в утешениях, — пробормотала я. — Даже имени вашего не знаю...

— Иван.

— А... окей. А как я тут... что я тут... — промямлила я, потирая искалеченную руку.

— Андела, ваша способность проявилась на сто процентов.

Мир трещал и разваливался. Цветные осколки, искры, конфетти. Больше не будет Анделы Мареш, ее место займет уже совсем другая девушка.

— Так куда же меня занесло?

— Ну... мы в Севастополе, — отозвался Иван. Кажется, ситуация его безумно тяготила.

— В Севастополе, — эхом повторила я, — заснула в Эдинбурге, а очнулась в Севастополе.

— Можно сказать и так. Только это был не просто сон. Вас занесло в Монохромный мир, — не очень дружелюбно отрезал Иван, — а потом в Пограничную зону. Вы ведь и раньше путешествовали во сне, всегда это умели. Но тогда пересекать границы миров могло только ваше эфирное тело.

Никогда за собой подобного не замечала, но ладно. Или он имел в виду мои опыты с осознанными сновидениями?

— А сейчас я по-настоящему... перешла?

— Как видите, — Иван кивнул с мрачным видом.

Действительно, глупый вопрос, могла бы и не спрашивать! Во мне начинало закипать раздражение.

Мозг отказывался воспринимать реальность. Меня затошнило, и здоровой рукой я закрыла глаза, чтобы не видеть ни Ивана, ни кабинет.

Этот человек говорит о Пограничных зонах. Выходит, все это правда, и Иван явно в курсе происходящего.

— Вам очень повезло. Я еле оттащил вас от Нефаса. Вы отделались покалеченной рукой... а могло быть и хуже.

— Нет, вы прямо мастер утешить и успокоить! — нервно усмехнулась я, — Многоликая Чума, вот так эта штука называется.

— Да. Мерзкий магический артефакт. Его забросило в Пограничную зону из Монохромного мира. Мы понятия не имеем, что это. Но оно любит калечить людей, питается их жизненной силой. И никто не может его нейтрализовать, даже Сорренто.

Хорошо, допустим. Попытаюсь уложить этот факт в голову, как-нибудь потом смирюсь.

— Я должна поговорить с мужем. Предупредить, что я в относительно порядке. Господи, да Тейт, наверное, с ума сходит... — еще одна паническая мысль проникла в мой мозг, и я попробовала сползти с кушетки. Тело меня не слушалось. Иван мягко заставил меня сесть обратно.

— Мы связались с вашим мужем, он в курсе.

— Простите, но в курсе чего?

— Мы сказали ему правду: вы в Клементинуме и скоро вернетесь. Все это связано с фотографиями тварей, Пограничными зонами и ангелами подземки. Только пришлось применить гипноз — надо было убедить Тейта, что все в порядке и через пару дней мы прилетим в Шотландию. Использовали комбинированный метод убеждения, — невесело усмехнулся Иван. — У нас в институте его так называют. К нему приставили агента из Шотландского отделения, потому что возникли некоторые проблемы... с убеждением.

— Да уж, Тейту тяжело навязать свою волю. Но я все равно хочу с ним поговорить! — настойчиво потребовала я. — Он должен услышать от меня, что все в порядке!

— Не сейчас, — покачал головой Иван, — чуть позже. Сначала попробуйте немного успокоиться и...

— Успокоиться? Да вы издеваетесь, что ли?!

Дыхание вдруг резко перехватило. Меня накрыло волной страха и одиночества, настолько сильного, что я больше не могла сдерживать слезы. Я разрыдалась, закрыв лицо ладонями — одной нормальной, а второй — страшной и чужой.

Я превратилась в комок злости, страха и отчаяния. Я проходила все стадии шока одновременно: неприятие и паника, осознание и смирение с неизбежным.

Иван не старался меня утешить, он просто сел рядом и обнял меня. Я чувствовала, что когда-то давно он попал в похожую ситуацию и очень хорошо меня понимает. Я была благодарна за его молчаливое участие. Мне не становилось легче,

но теперь я чувствовала себя в относительной безопасности.

— Как мне все объяснить Тейту? — набравшись мужества, я снова посмотрела на правую руку. Она казалась ино-
родной, пришитой к моему телу по ошибке. Думаю, в тот момент я не до конца осознавала весь ужас случившегося.

— Не знаю, — покачал головой Иван, — просто сказать правду. А может, он не захочет этого видеть и не заметит.

Я осторожно пошевелила искалеченной рукой, подняла ее к глазам, изучая неестественно длинные пальцы. В ушах зашумело, и я вновь ощутила приступ панического страха. Это неправильно, так не может быть!

— Ну, как-то сложно не заметить, что рука твоей жены на-
поминает жуткую лапу монстра! Допустим, я ее забинтую...

— Как правило, обычные люди не замечают поврежде-
ний, нанесенных магическими артефактами. Они чувствуют некую странность в вас, но не более, — перебил меня Иван.

Он поднялся с кушетки и подошел к окну, распахнул его. В комнату хлынул аромат цветущей глицинии.

— Обычные люди? А мы тут, получается, необычные? По-
здравляю, ты чертов волшебник, Гарри! — я не смогла удер-
жаться от саркастического комментария. Очень любила эту фразу, но не думала, что однажды произнесу ее, и она ока-
жется настолько в тему. — Как я буду теперь рисовать? Фо-
тографировать? Работать на компьютере? — сотни вопросов роились в моих мыслях, и я не находила на них ответа. Смо-
гу ли я вообще теперь пользоваться своей правой рукой, или

придется учиться делать все левой? От этих размышлений мне было тошно, хотелось плакать. Закончилась моя жизнь, похожая на клип Ланы Дель Рей. Теперь все станет грустно, трагично и мрачно? Да как бы не так. Я сжала зубы и заставила себя не реветь. Я жива. Тейт жив. Это самое главное.

— Вы должны кое-что увидеть, — Иван взял со стола три одинаковые папки и протянул мне, — это ваше досье из базы данных.

Мне не пришлось долго искать, папка с фамилией «Мареш» лежала сверху. Я открыла ее и увидела свою фотографию, приколотую к толстой стопке листов А4. Под снимком обнаружилось резюме с описанием моей «способности», энцефалограмма, другие медицинские данные, сведения о месте жительства и учебы.

На последней странице было напечатано только одно слово — «Пьеро».

Я открыла вторую папку и от неожиданности едва не выронила ее: с фотографии на меня смотрел бледный веснушчатый Холден Эридан.

Я быстро пролистала его профайл. На последней странице тоже значилось имя персонажа Комедии масок — «Скарамуш».

Парень из третьей папки — Кай Флауэрс, «Арлекин» — был мне незнаком, но я точно слышала его фамилию.

Флауэрс, Флауэрс...

Фамилия начальника Тейта и Холдена.

Сколько внезапных совпадений!

— Надо думать, у нас много общего, — заметила я, отложив документы в сторону, — жаль, там нет Доктора Чумы, мне всегда нравилась эта маска.

— Это я, — Иван скривился, словно его заставили съесть лимон целиком, — вы абсолютно правы насчет общности. Наша способность проявилась на сто процентов.

— Вы имеете в виду, наша суперсила.

— Ну, если вас устраивает такая формулировка, то да, — кивнул Иван, и на его лице мелькнула тень улыбки.

— Картинка все равно не складывается, — упрямо сказала я. — Пограничные зоны, Клементинум, Нефас, эти странные досье.

— Сейчас мы заглянем в институт, и станет понятнее, — пообещал Иван. — Вы были ранены, и пришлось отвезти вас в больницу. Господи, ну и день сегодня.

Приятно осознавать, что день был чудовищным не только у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.